

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1 (49) - 2016

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

GMACH RATUSZA MIEJSKIEGO W TURKU, OBECNA SIEDZIBA MUZEUM MIASTA

Литературные прогулки по Польше

13 марта 2016 г. в Краснодарской центральной городской библиотеке им. Н. А. Некрасова состоялся вечер поэзии «Литературные прогулки по Польше».

МЕРОПРИЯТИЕ было организовано совместно с Польским национально-культурным центром «Единство». Участниками встречи стали члены «Единства», знатоки и любители польского языка, творческая интеллигенция города; в течение всего вечера подходили всё новые зрители.

Начался вечер с обзора польской литературы: ведущая Светлана Прокудина напомнила имена как мэтров — Адама Мицкевича, Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, нобелевских лауреатов Генрика Сенкевича, Владислава Реймонта, Чеслава Милоша, — так и современных писателей — Анджея Сапковского, Януша Вишневского, Катажины Грохоли и других.

Перед собравшимися выступил пан Александр Селицкий с рассказом о польской поэзии для детей; заинтересовал аудиторию философской трактовкой стихотворений любимого польского автора член Краснодарского краевого отделения Союза российских писателей пан Игорь Ясинский, мастерство чтения лирики на польском продемонстрировали представители центра

«Единство», любители польского языка, посещающие воскресную школу, — взрослые и совсем юные.

Украшением вечера стали песни на слова польских поэтов в исполнении заслуженного артиста Кубани Александра Гогавы, которому аккомпанировал гитарист Вадим Кермасов.

В рамках мероприятия состоялась презентация поэтического сбор-

ника пана Александра Боголюбова «Всё для мамы дорогой». Пан Боголюбов — доктор гуманитарных наук в области

новейшей истории, заведующий сектором истории культуры научного отдела краеведческого музея в Пятигорске, активист Польского центра «Единство» и Союза поляков на Кавказских Минеральных Водах, член Ставропольской краевой творческой общественной

организации «Слово. Искусство. Музыка», основатель ежеквартального издания «Кавказская Полония», автор многочисленных научных статей.

Пан Боголюбов прочитал свои стихотворения на русском, польском и английском языках, рассказал о поездках в Польшу, работе над диссертацией. Со словами благодарности он обратился ко всем, кто помог в выпуске сборника и, прежде всего, к иллюстратору, студентке Краснодарского архитектурно-строительного техникума Надежде Малаховой-Шмельцер, а также ответил на вопросы читателей, общение с которыми продолжилось и после завершения вечера польской литературы.

ПОЛЬША
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Настоящее его имя — Чеслав Юлиуш Выдзыцкий (Czesław Wydrzycki).

Родился он недалеко от Гродно, в деревне Старые Василишки Лидского повета. На тот момент село Старые Василишки располагалось на территории Польши, которая после 17 сентября 1939 г. была присоединена к Белорусской ССР. Здесь, на берегу Немана, всегда пели старинные русские, белорусские, украинские и литовские песни.

Ещё ребёнком Чеслав стал изучать основы музыки. Навыки музыканта прививал ему отец — настройщик музыкальных инструментов и организатор местного хорового коллектива, а также талантливая старшая сестра, игравшая на многих музыкальных инструментах. Учился Чеслав в обычной советской школе, и по собственному признанию, в юности полюбил поэзию Михаила Лермонтова и Сергея Есенина. Уже в возрасте девяти лет Чеслав начал петь в церковном хоре местного католического костёла, поражая односельчан силой и красотой своего детского алта, а после окончания общеобразовательной школы с 1954 года стал обучаться в Гродненском педагогическом музыкальном училище по классу баяна и домры.

Окончив Гродненское музыкальное училище в возрасте 19 лет, Чеслав готовился к призыву на срочную службу в рядах Советской Армии. Но судьба распорядилась иначе — его отец, который во время Второй мировой войны воевал в рядах Армии Крайовой, решает воспользоваться призывом тогдашнего коммунистического лидера Польши Владислава Гомулки, пригласившего всех бывших польских граждан переехать из Западной Белоруссии в Польшу.

В 1958 году семья Выдзыцких покидает СССР и переезжает на постоянное жительство в Польскую Народную Республику, поселившись в крупном портовом городе Гданьске. В том же году Чеслав Юлиуш Выдзыцкий поступил в Гданьскую высшую музыкальную школу по классу музыкальную школу по классу фагота и других музыкальных инструментов. Уже в то время он начал сочинять первые музыкальные произведения, активно

16 февраля 2016 года исполнилось бы 77 лет великому польскому певцу, композитору, художнику, лидеру поколения и настоящему Человеку — Чеславу Немену.

Чеслав Немен

«Ищущие единоборства совершают смертельную ошибку. Бить, разрушать, принять увечья — это тяжелейший грех, который может совершить человек. Настоящий Путь Воина заключается в том, чтобы предотвращать избиение. Это и есть Искусство Мира, это и есть сила любви».

Уэсиба Морихэй

поглощая необходимую для начинающего музыканта информацию из всех доступных источников: от записей народных коллективов до музыкальных передач западных радиостанций. В Гданьской высшей музыкальной школе Чеслав играет на бас-кларнете в студенческом джазовом ансамбле, участвует в спектаклях студенческого клуба. Тогда же, в возрасте 20 лет, Чеслав Юлиуш Выдзыцкий первый раз женился. Его молодая супруга была родом из того же белорусского села Старые Василишки, однако после нескольких лет совместной жизни в Гданьске их брак распался.

В Гданьске и началась дальнейшая творческая карьера Чеслава. Как и многие тогдашние молодые польские певцы, вначале Чеслав начал выступать в молодёжных клубах на польском курортном побережье. Пел модные тогда рок-н-рольные хиты, а также популярные мелодии тех лет, включая песни, написанные в латиноамериканских ритмах, главным образом — в сти-

лях «босса-нова» и «латино», которые стали широко популярными спустя 25-30 лет; в те годы интерес к подобной музыке оставался довольно посредственным.

Великолепный мощный вокал Чеслава и его выступления вызывали приливы массового восторга, граничащего с истерией (особенно у женской части аудитории). И не было ничего удивительного в том, что вскоре его пригласили в состав популярной польской бит-группы «Niebiesko-Czarni» («Сине-Чёрные»), куда, кстати, он привёл свою пассию Аду Русович, для которой, по всей видимости, и были написаны первые собственные песни Чеслава (Ада, однако, предпочла Чеславу Войцеха Корду, за которого потом и вышла замуж). Группа пользовалась успехом как на родине в Польше, так и за её пределами.

В 1962 году, на I Фестивале молодых талантов, проходившем в Щецине, группа «Niebiesko-Czarni» помогает 23-летнему Чеславу успешно выступить. В итоге он выходит в финал, получает премию Фестиваля и попадает в «золотую десятку» молодых польских лауреатов. Чеслав начинает более тесное сотрудничество с группой «Niebiesko-Czarni», сначала в качестве ведущего вокалиста, а затем — и автора большинства песен. В 1962 году выходит первый сингл группы, а в 1963 году в репертуаре ансамбля появляются первые песни, сочинённые самим Чеславом. Так началась его стремительная, яркая и не всегда лёгкая карьера на польской и европейской эстраде.

Окончание на 4-5-й стр.

Начало на 3-й стр.

В 1963 году знаменитый французский импресарио Бруно Кокатрикс приглашает Чеслава Юлиуша Выдгыцкого с бит-группой «Niebiesko-Czarni» выступить на сцене знаменитого парижского концертного зала «Олимпия», в котором по давней негласной французской традиции всегда выступали наиболее талантливые и одарённые музыкальные исполнители. Он же попросил Чеслава выбрать себе псевдоним, поскольку французам было трудно выговорить его польскую фамилию. Чеслав Юлиуш без долгих раздумий берёт себе псевдоним «Niemen» — так по-польски звучит название реки Неман. «В честь реки Неман, на берегах которой прошло моё детство» — так он всегда объяснял выбор своего псевдонима.

Выступление 1963 года в парижской «Олимпии» получило немало положительных отзывов во французской прессе (как свидетельствуют биографы, Чеслав Немен и «Niebiesko-Czarni» в период с 1963 по 1966 годы ещё дважды с успехом выступали в парижском зале «Олимпия» перед французской аудиторией).

Музыкант Чеслав Немен владел абсолютным слухом, высоким, чистым и очень мощным голосом и, конечно же, не оставлял равнодушными французских слушателей. В 1964 году Чеслав Немен и «Niebiesko-Czarni» выступают на Польском националь-

Чеслав Немен

ном фестивале песни в Ополе, где Чеслав исполнял песню под названием «Nie bądź taki Bitels» («Не будь таким битлом»).

Первое же крупное и серьёзное признание пришло к артисту уже через два года с начала его работы в группе «Niebiesko-Czarni». Это произошло через год после выступления в парижской «Олимпии», в 1964 году, когда знаменитая немецкая кинозвезда Марлен Дитрих (вместе с которой Чеслав выступил в сборном концерте на одной сцене в варшавском «Конгресс-холле»), успешно исполнила и записала немецкую версию его песни «Czy mnie jeszcze pamiętasz?» («Помнишь ли ты ещё меня?»; немецкое название — «Mutter, hast du mir vergeben?»).

В 1965 году на Международном фестивале песни во французском городе Ренн Чеслав Немен получает ещё две знаковых музыкальных награды — Приз «Серебряный горноста́й» — главную награду Фестиваля в Ренне, и «Специальный приз жюри» в категории исполнителей — композиторов, после чего впервые выступает на французском телевидении и записывает во Франции сингл из четырёх песен на французском языке. В течение последующих двух лет начались первые крупные зарубежные гастроли Чеслава Немена с ансамблем «Niebiesko-Czarni»: Венгрия, Франция, ФРГ, Чехословакия, Швейцария, Швеция, Югославия и другие европейские страны.

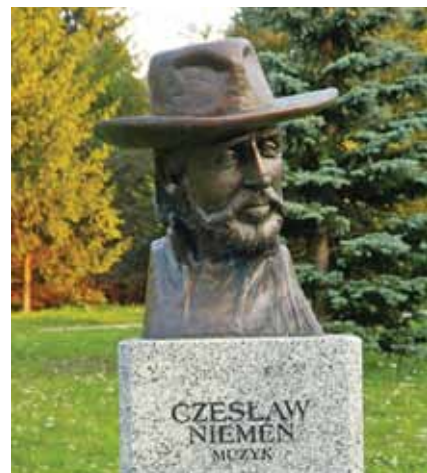
Чеслав вернулся в Польшу, нагруженный идеями «хиппи». С тех пор он надолго увлёкся древней философией Востока, отрастил длинные волосы, полностью сменил имидж, а его новые музыкальные пристрастия всё последующее десятилетие находились под сильным влиянием «чёрного соула». Особенности сильного голоса с характерной для негритянского пения звуковой окраской позволяли Чеславу с лёгкостью брать самые высокие тона. В 1966 году музыкант начал сочинять материал в духе «соул», а также впервые поучаствовал в пробах записи нескольких русских

фольклорных песен, любимых с детства, для польского радио и телевидения.

Несмотря на творческие успехи, союз Чеслава Немена с группой «Niebiesko-Czarni» оказался недолгим — композитор уже ощущал себя самостоятельным лидером и не стремился воплощать на сцене чужие идеи на фоне простодушной бит-музыки ансамбля. Тогда музыкант быстро понял, что уже сам способен возглавить собственный сольный, более серьёзный музыкальный проект.

В начале 1967 года Чеслав ушёл из группы «Niebiesko-Czarni» и начал сольную карьеру, организовав свой собственный сопровождающий инструментальный ансамбль под названием «Akwarele» («Акварели»). Его первым серьёзным успехом, и, пожалуй, его самым известным европейским хитом стала песня «Dziwny jest ten świat» («Странен этот мир»), с которой Чеслав Немен получил Гран-При на Польском национальном фестивале песни в Ополе и известном Международном эстрадном конкурсе в Сопоте (1967 год). Сильный текст, яркая мелодия, а также небывало эмоциональное для тогдашней Польши исполнение принесли певцу первые премии всех фестивальных жюри.

В том же году Чеслав Немен со своей сопровождающей группой «Akwarele» записывает на польской фирме «Polskie Nagrania Muza» свою первую сольную долгоиграющую пластинку (диск-гигант) с одноимённым названием

*Dziwny jest ten świat,
gdzie jeszcze wciąż
mieści się wiele zła.
I dziwne jest to,
że od tylu lat
człowiekiem gardzi człowiek.*

*Dziwny ten świat,
świat ludzkich spraw,
czasem aż wstyd przyznać się.
A jednak często jest,
że ktoś słowem złym
zabija tak, jak nożem.*

*Lecz ludzi dobrej woli jest więcej
i mocno wierzę w to,
że ten świat
nie zginie nigdy dzięki nim.
Nie! Nie! Nie!
Przyszł już czas,
najwyższy czas,
nienawiść zniszczyć w sobie.*

*Lecz ludzi dobrej woli jest więcej
i mocno wierzę w to,
że ten świat
nie zginie nigdy dzięki nim.
Nie! Nie! Nie!
Nadszedł już czas,
najwyższy czas,
nienawiść zniszczyć w sobie.*

*Странен мир этот,
где всё ещё
столь много зла.
И странно то,
что из века в век
своим постыл человек.*

*Странен мир этот,
мир наших дел,
аж стыд признаваться в том.
Нередко бывает,
что слово злое
режет как будто ножом.*

*Людей доброй воли — большая часть,
я крепко верю в то,
что этот мир
они не позволят разбить.
Нем! Нем! Нем!
Время пришло,
самое время
в себе неприязнь убить.*

*Людей доброй воли — большая часть,
я крепко верю в то,
что этот мир
они не позволят разбить.
Нем! Нем! Нем!
Время пришло,
самое время
в себе неприязнь убить.*

«Dziwny jest ten świat» (альбом стал первым в истории Польши «Золотым диском» — то есть, пластинкой, разошедшейся гигантским по тем временам тиражом в 160 000 копий). Кроме того, самая успешная одноимённая песня этого альбома стала наиболее знаменитой из написанных и исполненных Неменом — до последующей резкой смены им своего музыкального стиля.

Именно эта песня и является главной темой рассказа о Чеславе — когда миру, как бы это пафосно ни звучало, нужен мир.

Вдумайтесь, в далёком 1967 году, в самый разгар Вьетнамской войны, во время интеллектуальных брожений и расцвета «кино морального беспокойства» в Польше сын бежавшего из СССР бойца Армии Крайовой поёт НЕ О БОРЬБЕ, НЕ О НЕНАВИСТИ, а о том, чтобы эту ненависть в себе убили все люди!

Что это? Отсутствие патриотизма? Или мудрость философа, смотрящего в даль предстоящих лет?

Время показывает, что второе.

Друзья! Услышьте голос мудрости из полувековой толщи времени и постарайтесь решать все наши непростые проблемы мирно, без борьбы, по-деловому. Иначе получится, что великий Чеслав Немен пел для глухих и слепых.

Скажу лишь, что ныне Чеслава Немена и его творчество критики сравнивают с такими знаковыми личностями в истории польской (и европейской в целом) музыки, как Станислав Монюшко и Фридерик Шопен. В этом смысле роль Немена вполне сопоставима с их собственной, а их творения так же были адресованы не только Польше — они оказали огромное влияние на всю мировую музыку.

Удивительный мир его творчества и жизненной философии возник в результате столкновения двух различных культур, даже в чём-то двух отличных друг от друга цивилизаций: Востока и Запада, на стыке традиции и современности, музыки старой и новой, народной и городской, светской и религиозной, популярной и классической, джазовой и экс-

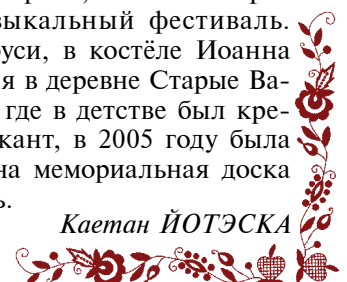
периментальной, акустической и электронной. Он вошёл в историю классики эстрады и рок-жанров, как Настоящий Артист. Его абсолютно не интересовали слава и деньги — он был предан Искусству до конца. В своей артистической жизни и взаимоотношениях с людьми Чеслав Немен всегда вёл себя очень достойно и независимо, не продавал себя, не гнулся перед властью или продюсерами, всегда делая то, что считал нужным, и так, как считал нужным.

Именно поэтому в Польше имя Чеслава Немена широко известно: есть много его памятников, улицы в городах Сталёва Воля и Ченстохова названы в его честь, выпущены памятные монеты с его профилем, неофициальным гимном столицы является его песня «Sen o Warszawie».

Вообще буквально все поляки любого возраста знают и любят его песни так же, как в России даже молодым известны сегодня записи Владимира Высоцкого. Помню, как в июле прошлого года, встречая рассвет на берегу Вислы в Кракове, от избытка чувств я стал напевать “Gdybyś ujrzeć chciał nadwiślański świat” — и проходящие мимо прохожие моментально стали мне подпевать!

Ежегодно в день рождения Немена, 16 февраля, в Познани проходит музыкальный фестиваль. А в Беларуси, в костёле Иоанна Крестителя в деревне Старые Василишки, где в детстве был крещён музыкант, в 2005 году была установлена мемориальная доска в его честь.

Каэтан ЙОТЭСКА

Aniol Dyrygent

JEGO początki sięgają roku 1341, kiedy to arcybiskup gnieźnieński Janisław lokował miasto na prawie średzkim. Dokument ten zakończył okres formowania się Turku jako miasta, jednakże dokument lokacyjny – nie. Jednak był on w historii miasta pierwszą informacją pisaną.

Należy tu wspomnieć o dokumencie zakreslającym granice ziem, które weszły w posiadanie arcybiskupów gnieźnieńskich. Była to bulla papieża Innocentego II z dnia 7 lipca 1136 roku. Akt po raz pierwszy wzmiankuje nazwę Turkoviste odnoszącą się do Turku.

Wraz z rozwojem ośrodka miejskiego rozwijała się parafia. Domniemywać można, iż początki jej sięgają XII w. Na ten okres datuje się najprawdopodobniej pierwszą drewnianą świątynię pod wezwaniem św. Jana Chrzciciela, która w okresie jednoczenia ziem polskich w roku 1331 została najprawdopodobniej spalona przez wojska krzyżackie. Wtedy to wzniesiono nowy obiekt murowany w stylu gotyckim. Jednak i on nie przetrwał do naszych czasów. Z początkiem XX wieku został rozebrany. Na miejscu pierwotnej świątyni, w latach 1904–1913, powstał strzelisty neogotycki kościół wzniesiony według projektu Konstantego i Jarosława Wojciechowskich. Do dziś jest on górującą nad całym miastem wizytówką architektoniczną Turku, nie tylko ze względu na swoją wielkość, ale głównie na „skarby”, który skrywa w swoim wnętrzu – dzieło Józefa Mehoffera, swoiste późne *opus magnum* artysty.

Po bliższym przyjrzeniu się historii Turku i po krótkim w nim pobycie, wyłania się całkowicie inny obraz miasta.

U k a z u j e
s i ę j e g o

Turek – miasto położone w centralnej części kraju na styku wczesnośredniowiecznych i średniowiecznych szlaków handlowych w pobliżu szlaku bursztynowego z pozoru niczym nie różniło się w przeszłości i obecnie od wielu miast podobnej wielkości.

nich miastem rodzinnym, wpisując się na stałe w historię rodzin i rodów.

To właśnie z Turkiem związany był światowej sławy rzeźbiarz Henryk Henoch Glicenstein, którego sława rozbiła się w początkach XX wieku, kiedy to realizował portrety m.in., dla Papieża Piusa XI, czy króla

MAGICZNOŚĆ TURKU

wielokulturowość wyrażająca się w zabytkach architektonicznych, pozostałych po pierwszych osadnikach z terenów Czech i Saksonii, którzy „za chlebem” przybyli tutaj, wzbogacając duchowość miasta o wyznanie ewangelickie oraz kulturę materialną – rzemiosło tkackie. Po roku 1798 w mieście pojawili się także mieszkańcy pochodzenia żydowskiego. Oni także wzniesli swoją świątynię, założyli jeden z największych cmentarzy w okolicy. W ten sposób rysuje się niepowtarzalny obraz Turku, miasta podobnego do wielu innych, a jakże innego, które poprzez swoje dzieje ukazuje niepowtarzalną magię przyciągającą do siebie wiele znanych osobowości, często stając się dla

Włoch Wiktora Emanuela. W tym mieście urodził się Ludwik Grossman, znany kompozytor, pianista oraz dyrygent. Założyciel i członek Rady Nadzorczej Towarzystwa Muzycznego w Warszawie, oraz członek Dyrekcji Teatrów Cesarskich. Z początkiem XX wieku w Turku często gościł też Henryk Melcer, światowej sławy pianista i kompozytor, który wraz z ojcem, ówczesnym burmistrzem i braćmi, jak podaje niedawniejszy kronikarz Leon Kruszyński, organizowali wspólne koncerty. W tym miejscu należy także zaznaczyć związki rodziny Składkowskich z miastem, w którym mieszkali w latach dwudziestolecia międzywojennego. Dzięki

Stala ekspozycja mehofferowska w Sali witrażowej Muzeum

J. Mehoffer i ks. J. Florczak, 1934

generałowi Felicjanowi Sławojowi Składkowskiemu, późniejszemu premierowi II RP, w mieście powstało wiele reprezentacyjnych gmachów, a żona generała – Żermina, w 1938 roku dokonała otwarcia jordanowskiego parku miejskiego, osobiście przez nią zaprojektowanego. Miasto odwodziło się wyborem generała trzykrotnie na posła z okręgu turecko-kaliskiego, oraz nadało mu tytuł Honorowego Obywatela Miasta Turku. Drugim z generałów rodzinie związanym z Turkiem był Mieczysław Makary Smorawiński, generał brygady, zamordowany w lasach katyńskich. Magia Turku przyciągnęła także w dwudziestolecu międzywojennym marszałków Józefa Piłsudskiego i Edwarda Rydza Śmigłego oraz prezydenta II Rzeczypospolitej – Stanisława Wojciechowskiego. W domu parafialnym gościli nuncjusz papieski Filip Cortesi, kilkakrotnie Kardynał August Hlond i wiele innych wybitnych osób. Wszyscy byli urzeczni ciepłem i gościnnością mieszkańców miasta.

Jedną z osób przyjmujących gości na turkowskiej plebanii był ksiądz proboszcz Józef Florczak. Jeszcze za czasów młodości często bywał w Turku, obserwując powstawanie nowego kościoła. Studia ukończył z tytułem doktora z kierunku teologii i prawa. Był osobą bardzo pilną, co zaowocowało ukończeniem Seminarium Duchownego we Włocławku i święceniami kapłańskimi w 1910 r. Następnie sześciu edukacji zdobywał w Petersburgu i w Rzymie. W 1922 roku otrzymał tytuł *honoris causa* Uniwersytetu w Padwie, a papież Pius XI skierował go do pracy w kurii rzymskiej. W dniu 16 lutego

1920 roku objął stanowisko Audytora Roty Rzymskiej. Ponadto pełnił także funkcje Konsultora Świętej Kongregacji Sakramentów i Prokuratora Świętej Kongregacji Rytów.

W 1929 roku ks. Florczak powrócił do Polski. W dniu 28 września 1931 roku poddając się fascynacji miastem i jego mieszkańcami objął funkcję proboszcza parafii w Turku. Jak się okazało dla miasta i parafii nie było lepszego wyboru.

W czasie swojego pobytu w Rzymie ks. Józef Florczak w 1925 roku spotkał się po raz pierwszy ze znanym polskim artystą szkoły krakowskiej, uczniem Jana Matejki – Józefem Mehofferem.

Artysta urodził się w 1869 roku w Ropczycach. Po przeprowadzce ojca Wilhelma von Mehoffera z rodziną do Krakowa w 1870 roku, ukończył Krakowską Szkołę Sztuk Pięknych. Po wyjeździe w roku 1891 na stypendium do Paryża uczęszczał na wykłady w *Ecole Nationale des Arts Decoratifs*,

Polichromia autorstwa J. Mehoffera

Academie Julian, Akademie Colarossi oraz wykłady z historii sztuki w *Ecole du Louvre*. Od 17 lutego 1892 roku, do końca 1893 studiował w *Ecole Nationale de Beaux-Arts*. Przez cały okres swojej nauki zajmował się sztuką dekoratywną i kontynuował malarstwo sztalugowe. Największy rozgłos i światową sławę zdobył w 1895 roku, wygrywając konkurs na wykonanie witraży do gotyckiej kolegiaty Św. Mikołaja w szwajcarskim Fryburgu. Pozostawił tam zachwycające do dnia dzisiejszego dzieło obejmujące 21 przeszkleń. Za fryburski witraż „Męczennicy”, w roku 1900, na Wystawie Światowej w Paryżu otrzymał złoty medal. Po powrocie

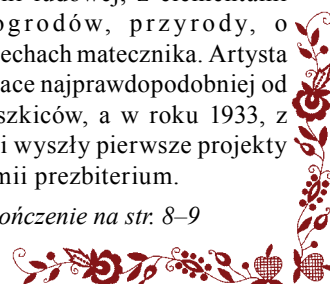
do kraju poświęcił przede wszystkim licznym pracom z dziedziny polichromii i witrażownictwa. Wykonał m.in.: dekorację malarską skarbcza katedry na Wawelu, polichromie i witraże w kaplicy Szafranców i w transepcie tejże katedry. Wystawa Światowa w St. Louis przyniosła mu złoty medal za obraz „Śpiewaczka” oraz srebrny za witraż „*Vita somnium breve*”. Witraże do kaplicy Świętokrzyskiej na Wawelu, w roku 1925, uhonorowane zostały *Grand Prix* na Paryskiej Międzynarodowej Wystawie Sztuki Dekoracyjnej. Artysta realizował także swoje projekty m.in.: w kościele Mariackim w Krakowie, w Katedrze Św. Jana we Lwowie, Opawie na Morawach, w kościele parafialnym Św. Elżbiety w Jutrosinie, w Katedrze Wniebowzięcia Najświętszej Marii Panny we Włocławku, w kościele Najświętszego Serca Pana Jezusa w Turku oraz w kościele parafialnym w Lubieniu. Zmarł w 7 lipcu 1946 roku w Wadowicach.

Należy domniemywać, że właśnie okres rzymski spowodował zawiązanie się dużej przyjaźni między ks. Florczakiem, a Mehofferem. Dowodem na to mógł być powstały w tym czasie portret duchownego. Nikt wtedy nie przypuszczał, że znajomość ta zaowocuje pracami nad wystrojem Kościoła N.S.P.J. w Turku, która okaże się największą realizacją artysty późnego okresu twórczości jego życia.

Po powrocie do kraju i objęciu parafii, ks. Florczak zaprosił do siebie Mehoffera celem z przyjacielską wizytą. Najprawdopodobniej właśnie wtedy zrodził się pomysł zaprojektowania, a następnie realizacji wystroju wnętrza świątyni.

Prace najprawdopodobniej rozpoczęły się w 1932 roku, na ten okres datuje się bowiem zawiązanie Komitetu Malowania Kościoła, którego celem miało być niesienie pomocy finansowej dla prowadzonych prac. Józef Mehoffer cieszył się dużym zaufaniem ks. proboszcza Florczaka, co pozwoliło prowadzić prace projektowe całkowicie według własnej koncepcji, zakładającej stworzenie polichromii nawiązującej do wyobraźni ludowej, z elementami rajszych ogrodów, przyrody, o wyraźnych cechach matecznika. Artysta rozpoczął prace najprawdopodobniej od stworzenia szkiców, a w roku 1933, z pod jego ręki wyszły pierwsze projekty do polichromii prezbiterium.

Dokończenie na str. 8–9

*Matka Boska Częstochowska.
Obraz wykonany przez J. Mehoffera*

Początek na str. 6

ZE szczególnym pietyzmem artysta wykonał przedstawienia figuralne: Chrystusa Króla, Chrystusa Dobrego Pasterza, Chrystusa Oblubieńca, Chrystusa Pielgrzyma i Chrystusa Ogrodnika. Sklepienie przyozdobił figurami 48 cherubinów. Prace które odbywały się we wnętrzach kościoła były tak rozległe, iż Mehoffer potrzebował pomocy swoich uczniów i pomocników. Wśród nich znaleźli się m.in. Eugeniusz Waniek, Stanisław Westwalewicz, Adam Stalony Dobrzański, Adam Siemianowicz, Henryk Walczyński, Józef Sękalski i inni. Do nanoszenia polichromii Mehoffer wykorzystał technikę kazeinową. Jak wspomina jedyny żyjący spośród współpracujących z Mehofferem artystów – prof. Eugeniusz Waniek, dziś łączący blisko 102 lata, była to bardzo ciężka praca. Kolor наносzono dopiero po uprzednim odwzorowaniu szkicu na ścianę, który powielano metodą przepruchy polegającej na nakłuciu szydłem otworów na papierze na którym był naszkicowany fragment polichromii, po czym tenże papier przykładano do ściany uderzając w niego pończochą wypełnioną sadzą.

Mehoffer miał ogromne zaufanie do swoich uczniów. Pewne elementy polichromii były jednak zastrzeżone tylko dla niego. Nie pozwalał nikomu wykonywać twarzy, rąk i stóp. Wiedział, że te elementy muszą być idealnie dopracowane i dlatego malował je osobiście.

Ciekawym elementem jest także fragment polichromii w części chóralnej, gdzie artysta umieścił Anioła Dyrygenta, dyrygującego kapelą ptaszków, umieszczoną na kolumnach i sklepieniu chóru. Ze wspomnień prof. Wanieka wynika, iż Mehoffer nanosił je własnoręcznie, wzorując się na książce z ich wizerunkami.

Prace nad polichromią zostały oficjalnie zakończone w 1936 roku. Dnia 20 września w Turku miała miejsce uroczystość poświęcenia polichromii, połączona z uroczystym wniesieniem obrazu Matki Boskiej Częstochowskiej, pędzla Mehoffera.

Wdzięczni mieszkańcy miasta Turku, pragnąc podziękować wielkiemu artyście

miejscowa społeczność dumna była z możliwości goszczenia tak znamenitej osobowości w swoim mieście, dlatego Mehoffer czuł się w Turku jak u siebie.

Drugim etapem prac w kościele miały być witraże. Do 1934 roku Mehoffer nie wiedział czy będzie wykonywał projekty osobiście, czy zleci je swojemu współpracownikowi. W końcu postanowił zakomponować je własnoręcznie. Pierwsze kartony powstały już w 1936 roku, i w tymże roku po wykonaniu ich przez Krakowskie Zakłady Witrażów S. G. Żeleński, przybyły do Turku. Do końca 1937 roku okna w prezbiterium rozświetliły cztery witraże o tematyce maryjnej. Kolejne cztery witraże trafiły do prezbiterium do końca 1938 roku.

MAGICZNOŚĆ TURKU

Polichromia Prezbiterium

za dotychczasowy wkład w prace nad wystrojem kościoła parafialnego, w dniu 14 września 1936 roku, głosami rady miejskiej nadali Józefowi Mehofferowi dyplom Honorowego Obywatela Miasta Turku.

Artysta przez dotychczasowe lata pracy w Turku związał się z miastem i jego mieszkańcami bardzo ściśle. Często bywał w wielu domach turkowień, malując ich portrety. Szczególnym sentymentem darzył ówczesnego starostę Stanisława Nożyńskiego i jego małżonkę jak i burmistrza Antoniego Kaweckiego. Szczególnie lubił przebywać w ogrodach parafialnych, które przypominały mu jego podkrakowską posiadłość – Jankówkę. Trzeba pamiętać także, iż

W rok później podpisano umowę na osiem witraży naw bocznych. Wybuch II wojny światowej pozwolił na realizację tylko jednego – Św. Teresy z Aniołami, który nie dojechał już do Turku. W międzyczasie Mehoffer zdołał zaprojektować także sylwetkę św. Andrzeja Boboli i św. Jolanty.

W czasie prac nad polichromią i witrażami artysta zajął się malarstwem sztalugowym. Wykonał 14 stacji Męki Pańskiej a także obraz wspomnianej już Matki Boskiej Częstochowskiej i św. Stanisława Kostki. Szczególnie ten pierwszy zasługuje na uwagę. Powstał na blasze miedzianej, namalowany naturalnymi farbami sprowadzonymi z dalekiego Egiptu. Obraz ten przed

J. Mehoffer przy pracy, 1934

umieszczeniem go w kościele w Turku został poświęcony na Jasnej Górze przez legata papieskiego kardynała Francesco Marmaggięgo.

Dopełnieniem całości wystroju miało być zaprojektowanie umeblowania kościoła. Tę część dzieła Mehoffer pozostawił na koniec. Jednak ze względu na wybuch wojny prace nad tym etapem nie zostały ukończone. Po dziś dzień zachowały się zaprojektowane dwie stalle ołtarzowe, które obecnie można podziwiać w prezbiterium. Z listów i szkiców pozostałych po artyście można domniemywać, że zakres działań artysty miał obejmować także ołtarze. Mehoffer pragnął dokonać ich przeróbki, jednak dziś wydaje się, że nie została ona w pełni wykonana. Świadczyć może o tym miejscowe przesłanianie przez nie drobnych fragmentów polichromii.

Dnia 1 września 1939 roku wybuchła II wojna światowa. Wydarzenie to w świadomości Turkowian miało tylko przerwać prace nad wystrojem kościoła parafialnego, jednakże, jak się okazało – zakończyło je. W umysłach i sercach miejscowej społeczności to właśnie Józef Mehoffer i jego dzieło pozostało najcenniejszym skarbem miasta. Polichromia i witraże mehofferowskie są dumą Turku i jego mieszkańców, zawsze podkreślaną. Dlatego starajmy się dzieło to zachować dla potomnych w jak najlepszym stanie.

*Bartosz STACHOWIAK,
dyrektor Muzeum Turku*

Sala mehofferowska w Muzeum

Polichromia Kościoła w Turku

Sala witrażowa Muzeum w Turku

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КРОВАТИ:

В 25 километрах от Кракова, на территории Ойцовского национального парка, находится замок Пескова Скала, первое воспоминание о котором встречается ещё в 1315 году в документах польского короля Владислава Локетка. В XIV столетии замок был перестроен Казимиром Великим и имел оборонное значение, охраняя важный торговый путь из Кракова во Вроцлав. К сожалению, оригинальный интерьер замка в исторических вихрях не уцелел, а предметы искусства, принадлежащие бывшим хозяевам замка, бесследно исчезли. Однако размещённая в замке музейная экспозиция «Стилистическая разновидность в европейском искусстве» считается одной из лучших в Польше, а многие экспонаты имеют историю, не менее интересную, чем сам замок.

Блеск кристинопольского дворца Потоцких

Если вам повезёт попасть в Пескову Скалу, задержитесь в последнем, четвёртом зале, представляющем предметы искусства и мебель эпохи позднего барокко (конец XVII — начало XVIII веков). В экспозиции этого зала доминирует французское парадное ложе с алыми балдахинами и покрывалом, филигранно вышитыми серебряной нитью, а также серия изготовленных во французском Обюссоне гобеленов, иллюстрирующих историю Александра Македонского.

В XVIII столетии эти вещи принадлежали влиятельной и амбициозной семейной чете польских магнатов — Анне и Францишеку Салезию Потоцким и вызывали зависть гостей, приглашённых в дворцовую резиденцию пары в Кристинополе (сейчас г. Червоноград, Украина). Эти безмолвные свидетели историй, похожих на сказку, и воистину сказочного богатства Францишека Салезия Потоцкого герба Пилява (1700–1772), которого в своё время

Кровать Потоцких

называли «малым королём на Руси», не могут рассказать о своих бывших хозяевах. Но архивные источники полны информации как о суровой пани Потоцкой, так и о её высокомерном муже, которому в своё время обещала поддержку в борьбе за польский трон императрица Анна Иоанновна. Увы, королевская корона Францишеку Салезию Потоцкому не досталась, но это не помешало магнату иметь влияние, равное королевскому, и вести по-настоящему королевский образ жизни.

Мечтая о королевском троне, всего за 4 года (с 1756 по 1760) Потоцкий перестроил родительский замок в Кристинополе, взяв за образец королевский дворец Виянув под Варшавой. Спроектированная итальянским зодчим Пьером Риком де Тирреджели, резиденция Потоцких долгое время считалась жемчужиной дворцовой архитектуры, объединив в себе два стиля — барокко, мода на который уже угасала, и ранний классицизм, который только начинал завоёвывать Европу. В дворцовом комплексе было около сорока жилых комнат, огромный бальный зал, несколько кухонь, зал для фехтования, библиотека, «китайские» кабинеты и даже помещение для алхимических экспериментов. С восточной террасы дворца открывался чудесный вид на парк во французско-итальянском стиле с ассиметричными бассейнами, водными каскадами и купальными павильонами. И парк, и резиденция были достойны короля, а уж тем более некоронованного владыки. Воевода Фран-

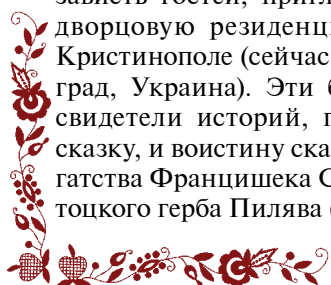
цишек был доволен: дворец стал песней в камне, и каждое слово в этой песне было в его честь.

Жизнь во дворце бурлила ключом, а предметы роскоши, которые Потоцкие выставляли напоказ во время бесчисленных балов и приёмов, вызывали зависть даже у наиболее влиятельных шляхтичей Речи Посполитой. Особое место в коллекции живописи Потоцких занимала «Мадонна с младенцем» авторства Рафаеля, рядом с которой как будто блёкли картины Тициана, Рубенса и Ван Дейка. Самые известные люди того времени считали за честь побывать в кристинопольском дворце Потоцких, а сами магнаты старались, чтоб блеск их окружения подчёркивал их собственный золотой блеск.

В 1776 году кристинопольский дворец посетил пресловутый Джованни Джакомо Казанова (1725–1798) — учёный и сердцеед, путешественник и картёжник, лю-

Францишек Салезий Потоцкий

если бы вещи умели говорить...

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснодар, 2016, № 1 (49)

бителей балов и светский авантюрист. Скрываясь от преследований друзей графа Ксаверия Браницкого, раненного им на дуэли в Варшаве, в марте 1766 года Казанова приехал во Львов. Итальянец был знаменит, знакомств с ним искали, а сам он с удовольствием выбирал экспонаты для своих «Мемуаров». В отличие от других иностранных путешественников, Казанова не считал местных женщин привлекательными, что, однако, не помешало ему завести интрижку с «прекрасной девицей», которая позднее вышла замуж за одного из графов Потоцких. Однако другой Потоцкий, всесильный Францишек Салезий, интересовал Казанову значительно больше...

Заручившись покровительством графа фон Брюля, зятя воеводы, Казанова получил приглашение в кристинопольский дворец и прожил тут две недели, часто составляя компанию в карты влиятельному магнату, а вечерами общаясь с его женой, которая «совсем не выходила до ужина, непрерывно молилась в своей комнате», и которому он видел «не иначе как в сопровождении трёх дочерей и двух монахов-францисканцев, которые по очереди её исповедовали» (Джакомо Казанова де Фарусси, *Моя жизнь*).

Воспоминание о могущественном графе Потоцком заняло полстраницы в одном из томов дневника Казановы: «Я поехал в Кристинополь, где жил знаменитый граф Потоцкий — один из любовников императрицы Анны Ивановны... Этот достойный муж всё ещё пребывал в отличной форме и содержал прекрасный двор... По вечерам я всегда проводил время с графом и его придворными. Игра была не очень сложной, и я всегда выигрывал, что было очень кстати для меня... В конце недели, когда непрерывные банкеты стали утомлять, я вернулся в Варшаву».

Эти бесконечные банкеты были не исключением, а скорее правилом в кристинопольском дворце. Вечером для забавы гостей устраивали зрелищные фейерверки над рекой, а праздники

продолжались по несколько дней. В 1766 году воевода Потоцкий потратил на свадьбу своей дочери Марии четверть миллиона злотых, и приблизительно столько же — на свадьбу своей дочери Антонии. На торжества приезжали все иностранные послы, аккредитованные в Речи Посполитой, а чтобы ясновельможные паны не перепачкали обувь, дорога от дворца до костёла выстилалась красным сукном.

Анна Потоцкая

Современники Анны и Францишека Потоцких имели все основания считать, что пара, которую за спиной называли «разбойниками с карпатских гор», делает всё, чтоб затмить своим блеском всех вокруг. Да собственно, так оно и было.

Юный Потоцкий: любовь во время чумы

Вельможи до кончиков ногтей, Потоцкие ни во что не ставили своих подданных. Вследствие недоедания, антисанитарии, тяжёлого труда на паншине большинство крестьян во владениях Потоцких умирало, не доживая до 65 лет. С 1768 по 1775 год в самом городке произошло более десяти пожаров, во время которых деревянные хатки мешан сгорали дотла. А кроме того, большую опасность для людей представляли наводнения, лютые морозы и аномальная жара, за которой следовали ураганы. Но самым страшным испытанием на выживаемость в то время была

чума, страшная эпидемия которой затронула границы имения Потоцкого в 1770 году. Однако один «больной» в дворце Потоцких таки оказался — единственный наследник Францишека и Анны, Станислав Щенсны (Счастливый), который заболел любовью к юной графине Гертруде Коморовской, девушке редкой красоты и харизмы.

Род Коморовских когда-то был уважаемым и влиятельным, однако семья давно обеднела, и владела всего несколькими сёлами и небольшим имением в селе Сушно — вот и всё наследство для восьми детей.

Станислав познакомился с Гертрудой в дворце своих родителей, влюбился в девушку с первого взгляда и начал проводывать её, не поставив в известность Потоцких. Вскоре молодые люди поженились — тайно от родителей Станислава и с полного одобрения Якуба Коморовского, отца невесты.

Но в один прекрасный день Потоцкие узнали про выходку сына и жизнь во дворце Потоцких превратилась в ад. Под давлением родителей Станислав согласился написать заявление об аннулировании брака, а его властная матушка решила поскорее разлучить влюблённых, отправив сына за границу, а Коморовскую — в монастырь.

13 февраля 1771 года на имение Коморовских напали «ряженные» и выкрали юную графиню. В тогдашних хрониках детально описано, как бедную девушку вытянули на мороз в одном платье, посадили на сани, накрыли перинами и так быстро скрылись, что Коморовские растерялись и не успели кинуться в погоню, хотя в бандитах опознали людей Потоцких. По дороге похитителям повстречался обоз из 300 саней, который вёз пшеницу во Львов. Боясь, что пленная будет кричать, её накрыли перинами. Когда сани исчезли с глаз, Гертруда уже была мертва — она задохнулась. Скрывая следы преступления, похитители прорубили полынью и скинули тело под лёд.

Окончание на 12-й стр.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КРОВАТИ: если бы вещи умели говорить...

Начало на 10-й стр.

СЛУЧИЛОСЬ это в каких-то девяти километрах от имения Потоцких. Весной, когда тронулся лёд, тело несчастной графини всплыло и было найдено мельником, который опознал девушку по золотым украшениям. Он оповестил о находке отца утопленницы, но трагедия обратилась в фарс. Якуб Коморовский решил, что может добиться от Потоцких большего, требуя вернуть живую дочь — ведь связь могущественной семьи с преступлением доказать будет невозможно. Довольно символично — в июне и июле 1771 года в небе не было видно солнца,

Графиня Гертруда Коморовская

а ураганы и наводнения принесли много беды городу и предместьям. Природа как будто протестовала против преступления, за которое никого официально не наказали.

Преступление и наказание

Парадное ложе графини Потоцкой в день её смерти пустовало — графиня неожиданно скончалась, отправившись с визитом в соседнее имение. Ей было только 49, и до последнего дня своей жизни Анна Потоцкая искрилась бестолковой энергией. Интересно, что сороковой день по смерти графини совпал с первой годовщиной смерти непризнанной ею невестки. А сам воевода пережил жену только на

десять месяцев. Перед смертью он оставил значительную сумму на строительство монастыря, признавшись отцу-настоятелю, что делает это во искупление грехов, потому что «не раз в жизни Бога обидел». Станислав Потоцкий узнал о смерти родителей в Париже, но возвращаться в родное гнездо не спешил. А наконец вернувшись, проигнорировал траур по родителям и громко отпраздновал во дворце свой 21-й день рождения. Откупившись от притязаний Якуба Коморовского деньгами и именьями на сумму в 700 тысяч злотых, он женился на красавице Джозефине Амалии Мнишек. Однако молодая жена изменяла ему с первых дней брака: из одиннадцати детей Потоцкий только троих считал своими. А после развода с неверной женой Станислав познал ещё одну любовь — к «прекрасной гречанке» Софье Витт, которая тоже не отличалась постоянством и изменяла мужу с его же сыном от второго брака. Коморовские тоже недолго наслаждались богатством, нажитым на смерти дочери: Якуб Коморовский умер в 1781 году, его жена через год вышла замуж, но немного погодя также умерла, утонувши в болоте.

Однако на этом богиня справедливости не успокоилась и получила реванш, объединив семейными узами Потоцких и Коморовских:

Станислав Щенсный Потоцкий

Теодор Потоцкий, староста ольшанский, женился на родной сестре Гертруды, 28-летней Кордулии.

Трагическая любовь Станислава Потоцкого и Гертруды Коморовской воодушевила Юзефа Игнация Крашевского на создание повести «Старостина из Белза», Юзефа Коженёвского — на написание пятиактной драмы «Дмитрий и Мария», а известного поэта-романтика Антония Мальчевского — на создание поэмы «Мария». А вот кристинопольскому дворцу повезло намного меньше, чем прекрасным гобеленам и парадной кровати Потоцких — многочисленные пожары и перестройки уничтожили былое величие, судить о котором мы можем, только любуясь музейными экспонатами...

Олена ЗАМОЙСКАЯ

Дворец Потоцких в Кристинополе (1920-е гг.)

KOLOROWE JARMARKI

Kiedy spojrzę hen za siebie
W tamte lata, co minęły,
Czasem myślę – co przegrałem,
Ile diabli wzięli.
Co straciłem z własnej woli,
Ile przeciw sobie.
Co wyliczę, to wyliczę,
Ale zawsze wtedy powiem,
Że najbardziej mi żal

Kolorowych jarmarków,
Błasanych zegarków,
Pierzastych kogucików,
Baloników na druciku,
Motyli drewnianych,
Koników bujanych,
Cukrowej waty
I z piernika chaty.

Tyle spraw już mam za sobą,
Coraz bliżej jesień płowa.
Już tak wiele przeszło obok,
Już jest co żałować.
Małym rzeczom zostajemy,
W pamiętaniu wierni.
Zamiast serca noszę chyba
Odpustowy piernik,
Bo najbardziej mi żal

Kolorowych jarmarków,
Błasanych zegarków,
Pierzastych kogucików,
Baloników na druciku,
Motyli drewnianych,
Koników bujanych,
Cukrowej waty
I z piernika chaty.

Gdy w dzieciństwa wracam strony,
Dobre chwile przypominam,
Mego miasta słyszę dzwony,
Czy ktoś czas zatrzymał?
I gdy pytam cicho sobie:
„Czego żal dziś tobie?”
Co wyliczę, to wyliczę,
Ale zawsze wtedy powiem,
Że najbardziej mi żal

Kolorowych jarmarków,
Błasanych zegarków,
Pierzastych kogucików,
Baloników na druciku,
Motyli drewnianych,
Koników bujanych,
Cukrowej waty
I z piernika chaty.

Kolorowych jarmarków,
Błasanych zegarków,
Pierzastych kogucików,
Baloników na druciku,
Motyli drewnianych,
Koników bujanych,
Cukrowej waty
I z piernika chaty.

[Muzyka: Janusz LASKOWSKI,
słowa: Ryszard ULICKI]

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ЯРМАРКИ

Когда взгляд я возвращаю
В те года, что миновали,
Думаю, что – проиграл я,
А что – черти взяли.
Что утратил по желанью,
А что – против воли.
Что припомню, то припомню,
Но всегда себе признаюсь,
Что до боли жаль мне

Ярмарок разноцветных,
Ходиков с кукушкой,
Петушков леденцовых,
И шариков воздушных,
Бабочек деревянных,
Лошадок на качалках,
И сахарной ваты,
Да пряничной хаты.

Столько дел уж за плечами,
Близка выцветшая осень.
Много что уж миновало,
Есть уже о чём жалеть.
Незначительным вещичкам
Верность память сохраняет.
И ношу я вместо сердца
Ярмарочный пряник,
Ведь до боли жаль мне

Ярмарок разноцветных,
Ходиков с кукушкой,
Петушков леденцовых,
Да шариков воздушных,
Бабочек деревянных,
Лошадок на качалках,
И сахарной ваты
Да пряничной хаты.

Возвращаясь в город детства
Пору счастья вспоминаю,
Городские слышу звоны,
Может время стало?
Я тихонько вопрошаю:
«Чего ж тебе жалко?»
Что припомню, то припомню,
Но всегда себе признаюсь,
Что до боли жаль мне

Ярмарок разноцветных,
Ходиков с кукушкой,
Петушков леденцовых,
Да шариков воздушных,
Бабочек деревянных,
Лошадок на качалках,
И сахарной ваты
Да пряничной хаты.

Ярмарок разноцветных,
Ходиков с кукушкой,
Петушков леденцовых,
Да шариков воздушных,
Бабочек деревянных,
Лошадок на качалках,
И сахарной ваты
Да пряничной хаты.

[Слова: Aldona
GÓRKO-SARMACKA]

Polityka historyczna żywa

OBRAZY przed wojną zdobyły ścianę w czyimś domu. Codziennie w ich otoczeniu jadano obiad. Na meblach kładziono korespondencję, albo przyniesione z targu jabłka. Stare monety znalezione w lesie leżały na półkach w bibliotece domowej. Przedmioty te stanowiły część życia, codzienności. Kształtowały świadomość. Dzieci wychowane w ich pobliżu w dorosłym życiu do dzisiaj jako starszyskowie lubią otaczać się przedmiotami „z duszą”. Rzeczy te nie były eksponatami, lecz umożliwiały kontakt ze światem przodków. Przodkowie nie byli pozycjami na drzewie genealogicznym. Dzięki obecności śladów przeszłości stawali się bliskimi, których nie znano tylko z przekazów rodzinnych, opowiadań, starych fotografii, lecz takimi, którzy mieli swoje marzenia, nadzieje, obawy, chwile szczęścia.

Wkrótce odzyskane przedmioty powieszzone zostaną w muzeach, gdzie będzie padać na nie nieszkodliwe światło, gdzie dba się o wilgotność powietrza, gdzie zabezpieczone będą przed kradzieżą i spalaniem. Zamykane na noc, bez kontaktu z codziennością, nieżywe eksponaty, nie będą stanowić elementu czyjegoś domu. „Kapci miękkich szum i spokój”, jak śpiewał Stanisław Sojka, to jedyne czego będą doświadczać. Nikt nie potrafi ramy, nikt nie wyleje herbaty. Bezpieczne, ale czy na pewno o to chodzi?

Pomniki też są jak muzea. Stoją dumne, przypominając losy bohaterów, lub tragiczne wydarzenia. Na odsłonięcie nie przychodzi jednak prawie nikt, kto nie jest zainteresowany ich treścią. Ludzie dotychczas obojętni, pozostaną obojętni w dalszym ciągu. Ludzi niechętnych pomnik będzie kłui w

Ostatnio docierają do nas informacje o odzyskaniu zrabowanych w czasie wojny obrazów. Z Niemiec sprowadzono też piękne polskie meble pamiętające czasy przedrozbiorowe. Zabezpieczono znaleziska archeologiczne, które mieszkaniec Śląska wykopał przy użyciu wykrywacza metalu. Wszystkie pozyskane eksponaty trafią do muzeów. Polityka historyczna zaczyna przynosić owoce. Czy możemy mieć nadzieję że nadeszły nowe, lepsze czasy?

oczy, może zachęci do pomalowania go sprayem. Mężgi rozsierzają tych, którzy są świadomi. Zrodzi się antagonizm. Obecność pomnika zamiast leczyć chorobę tożsamości przysporzy kolejnych ran. Pomniki są potrzebne, szczególnie te, których nie można było stawiać jeszcze niedawno. Wielu bohaterom należy się cześć i pamięć. Jednak same pomniki, bez innych działań nie spełnią swojej roli, pozostaną „bezduszne”, kłujące w oczy, lub zbierające jedynie kurz.

Zastanawiamy się dlaczego towarzystwa polonijne, szkoły polskie na Kresach nie obejmują działaniem 90% społeczności potomków Polaków z danych terenów. Pomimo dobrze skrojonych programów edukacyjnych, pomimo zaangażowania wielu ludzi, aby dostarczyć pomoce szkolne, wyposażyć sale ilość uczniów rzadko rośnie. Np. na Ukrainie na kilkaset towarzystw polskich te faktycznie działające można policzyć na palcach. Wiele polskich towarzystw w USA ma problem z zakupem plastikowych kubków na herbatę.

A jednocześnie programy naukowe otrzymują czasem milionowe granty. Po dwóch latach pracy zespołu powstaje książka „Struktura ludności miasta A w XVII wieku”. We wnioskach znajdziemy popularność imion z podziałem na lata, częstość posiadania drugich żon, śmiertelność wśród dzieci, przeciętną liczbę użytkowanych barci oraz garnków

na płocie. Książkę przeczytają tylko kolejni naukowcy przygotowujący za ogromne pieniądze publikację „Bractwa cerkiewne w okolicach miasta B w XVII w.”

Politykę historyczną przygotowują naukowcy, szefowie muzeów, dyrektorzy instytutów. Osoby zasłużone zbieraniem eksponatów, przygotowaniem publikacji. Niewątpliwie są to zasługi ważne i istotne. Nie chodzi tu, aby dyskredytować te działania. Struktura ludności ma wartość naukową przydatną dla kolejnych badaczy, obrazy powinny być zabezpieczone i otoczone profesjonalną opieką, pomniki powinny głosić chwałę bohaterów. Ale czy na pewno osiągniemy efekt odtwarzania tożsamości polskiej stosując jedynie te metody? Czy obecność fascynatów i znudzonych licealistów w muzeach zasieje w sercach osób niechętnych tęsknotę za dawną wspaniałą Polską? Czy oprócz ogromnych wydatków na te programy nie należałoby też zacząć działać całkiem inaczej?

Ks. Twardowski mówił: „Gdy chcesz mówić Jasiowi o Bogu, musisz przede wszystkim znać... Jasia”. Dopóki nie przełożymy wartości polskiej tożsamości na język zrozumiały dla współczesnych nic się nie zmieni. I nie chodzi tutaj o to aby o historii opowiadać za pomocą muzyki disco czy komiksów – choć to na pewno ciekawe uzupełnienie edukacji. Z nowym porządkiem politycznym rodzi się nadzieja, że wreszcie edukacja

czy martwa?

historyczna i kulturowa uzyska potrzebne metody i narzędzia.

Są w Polsce organizacje pozarządowe, które od lat uczą się jak trafić do serc obojętnych. Jak rozniecać miłość do Ojczyzny w sposób naturalny, codzienny. Jak wykorzystać zwykle zainteresowania do przedstawienia dumy z polskiej tradycji i historii.

Jako prezes jednej z takich Fundacji Odtworzeniowej Dóbr Kultury i Dziedzictwa Narodowego – bardziej znanej przez portal „Genealogia Polaków” – borykam się od lat z niezrozumieniem naszej misji. Do tej pory byliśmy przekonani, że winę za to ponosi całkowita obojętność i wręcz wrogość poprzedniej ekipy politycznej do polskich wartości. To jakby próbować zainteresować sianem trawy pracownika betoniarni.

A tymczasem nasze metody są niezwykle tanie. Jedziemy na przykład na Kresy, fotografujemy polskie groby i umieszczamy w Internecie. Potomkowie znajdują je, szukają możliwości ich restaurowania i w efekcie ratują całe cmentarze. Innym przykładem jest cyfrowa baza wiedzy o powstańcach styczniowych. Już wiele osób dowiedziało się, że ma przodka powstańca po prostu wpisując swoje nazwisko do wyszukiwarki. Kiedyś ta informacja zakiełkuje. Ale program grantowy dotyczący archiwów społecznych nie może nas objać, gdyż nie działamy jedynie lokalnie, a zdjęcia posiadamy jedynie w formie kopii cyfrowych. Dokumenty, które odzyskujemy za własne pieniądze na aukcjach są zachowywane w bazie, ale wykonując ich kopię nie wprowadzamy „metadanych” zgodnie ze standardami – po prostu opisujemy je słowami kluczowymi – dlatego nasza praca jest 20 krotnie tańsza, ale nie może być wsparta

programami państwowymi, bo nie spełnia konkursowych kryteriów. Organizujemy akcje pomocy Polakom na Kresach, dostarczamy to co jest im potrzebne – ale nie wydajemy 50% kosztów na reklamę w mediach jak niektóre Fundacje.

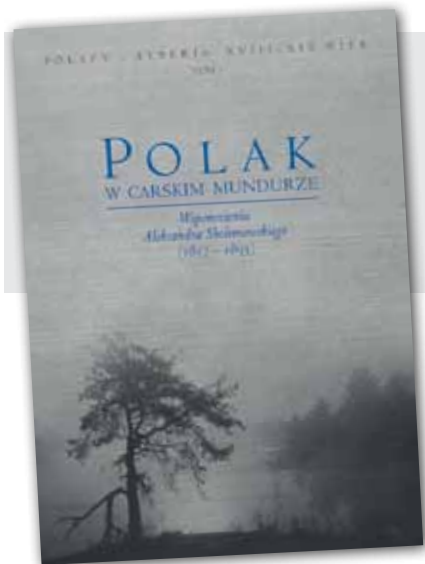
My i inne organizacje, szukające metod odtwarzania polskiej tożsamości, mające w tej materii lata doświadczeń, mamy wielkie nadzieje w stosunku do nowej Strategii Polskiej Polityki Historycznej zainaugurowanej przez Prezydenta Andrzeja Dudę. Mamy

nadzieję, że sytuacja się zmieni, że zostaną umożliwione działania tańsze, bardziej elastyczne prowadzone przez tzw. NGO (Organizacje pozarządowe). Nie „zamiast”, ale „także”.

Nie chcemy działać wbrew pracom naukowym, towarzystwom stawiania pomników. Chcemy im pomóc. Chcemy, aby uczelnie miały więcej studentów, aby na odsłonięcie pomnika przyszło więcej osób, aby do polskiej szkoły zgłosiło się więcej dzieci, a ich rodzice w gazetach zagranicznych nie pisali o „polskich obozach zagłady”. Nie działamy chaotycznie, mamy wykształcenie socjologiczne, psychologiczne, marketingowe, historyczne, medialne, artystyczne, informatyczne, dziennikarskie. Współpracujemy z najlepszymi specjalistami, wieloma ośrodkami, działamy planowo i rozważnie. Mamy też ułatwione działanie właśnie przez to, że jesteśmy NGO, nie musimy spełniać niektórych wymogów formalnych. Liczymy, że w nowej Strategii Polskiej Polityki Historycznej zostanie wykorzystane nasze doświadczenia, że będziemy mogli podzielić się tym jaki jest „Jaś”, jak z nim rozmawiać i jak w jego sercu obudzić trzepot piór polskiej husarii.

Marcin NIEWALDA

Książka „Polak w carskim mundurze” jest efektem projektu badawczego w ramach Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki. Na zlecenie Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego projekt realizował zespół Instytutu Historii Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, pod kierownictwem prof. dr. hab. Wiesława Cabana. Książka ukazała się nakładem Wydawnictwa Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w opracowaniu prof. dr. hab. Wiesława Cabana i prof. dr. hab. Jerzego Szczepańskiego, w tłumaczeniu Łukasza Guldona.

*Piękna historia carskiego żołnierza odkryta przez historyków
Uniwersytetu Jana KOCHANOWSKIEGO*

POLAK W CARSKIM MUNDURZE

Na szerokim, rosyjskim stepie można mocno poczuć zapach szczęścia. Píše o tym w swoim pamiętniku Aleksander Skolimowski – Polak, którego życie ubrało w carski mundur.

JEGO nazwiska i tej historii nie ma w żadnej internetowej wyszukiwarce. Nie ma zdjęć, rysunków. Próżno jej szukać w książkach. Do podręczników się nie nadaje, bo to historia Polaka, który walczył w armii carskiej. Bał się powstańców listopadowych, smucił się na wieść o powstaniu styczniowym. Historia piękna i prawdziwa, pełna miłości, namiętności i inaczej pojmowanego patriotyzmu. Zapisana na kartach pamiętnika, którego adresatem były dzieci Aleksandra Skolimowskiego. Kto ją pozna, zrozumie, że nie jest historią zdrajcy.

Car na lekcji matematyki

Rok 1831. Powstanie listopadowe upada. Carskie wojsko wkracza do zbuntowanej Warszawy, pięknie wygląda, przynosi spokój i bezpieczeństwo. Z takiej perspektywy patrzy na wydarzenia młody, czternastoletni Aleksander Skolimowski. Pochodzi spod Siedlec, wcześniej stracił matkę, a niewidomy ojciec nie był w stanie należycie zająć się rodziną. Młodego Aleksandra zabrał do Warszawy stryj Rafał Skolimowski, ksiądz i nauczyciel matematyki. Nie miał własnych dzieci, więc pomagał młodzieży z prowincji zdobyć wykształcenie. Na jego stacji mieszkało kilkunastu chłopców. Stryj uczył w szkole wojskowej. Podczas jednego z wykładów do sali wszedł car Mikołaj I, wizytujący akurat Warszawę. Opisuje to Aleksander Skolimowski w swoim pamiętniku: „Stryj Rafał wiedział, że car nie mówi po polsku, zwrócił się więc do Konstantego Pawłowicza [brat cara – red.] w jakim języku należy dalej prowadzić wykład, i zgodnie z wolą cara zaproponowano mu język francuski”. Stryj z a c h y c i ł carską swiętę

nie tylko płynnym francuskim, ale i wiedzą matematyczną. Bratanek go wspomina: „Stryj Rafał był człowiekiem największego humanizmu i kochał każdego bliźniego, tak jak nakazywał Chrystus”. Naprawdę był dla niego ojcem.

Nie do Warszawy

Stryj Rafał sprawił, że w 1835 roku Aleksander trafił do Korpusu Kadetów w Petersburgu, elitarnej szkoły wojskowej. Spędził tam sześć lat. Jako Polak nie został dobrze przyjęty, ale szybko zjednał sobie szkolnych kolegów. Z zachwytem patrzył na carski dwór przechadzający się po petersburskim parku, na młode księżne, zaszczycające kadetów swoją obecnością. Rosjanie przekonali się do młodego Polaka. Pojawiły się awanse i pierwszy przydział do armii. Nie do Warszawy, o co zabiegał Aleksander. Pewien, że wróci do Polski, załatwił sobie transport do Warszawy, chciał pokazać się stryjowi Rafałowi w stroju chorążego. Dostał jednak przydział do... Penzy, miasta w centralnej Rosji, położonego 650 kilometrów od Moskwy, blisko półtora tysiąca kilometrów od Petersburga. Podobny los spotkał jego szkolnych przyjaciół. „Siedliśmy w kącie i gorzko płakaliśmy” – wspomina świeżo upieczony absolwent Korpusu Kadetów. Nie wiedział, że to dopiero początek żołnierskiej tułaczki i przyjdzie mu spędzić życie w miejscach o wiele dalszych niż Penza.

Miłość a posag

Pierwsze lata wojennej tułaczki Polaka w carskim mundurze były całkiem przyjemne. Przystojny, wykształcony

oficer dzielił służbę wojskową z bujnym życiem towarzyskim. Był zapraszany na rosyjskie salony, gdzie bawił dowcipem i tańcem. Zwłaszcza taniec przysparzał mu powodzenia u kobiet. Były to czasy, kiedy brakowało w Rosji dobrych tancerzy. A ci, którzy byli, nie mogli się równać z młodym Polakiem. Rosyjscy przyjaciele szybko znaleźli mu kandydatkę na żonę. Była nią czarnooka i tajemnicza Maria Mańkowa z bardzo dobrej rosyjskiej rodziny. Romantyczne wieczory i długie rozmowy z piękną Rosjanką zakończyły się jednego wieczoru. Kiedy przyszło do poważnych rozmów o ożenku, Aleksander Skolimowski zapytał przyszłego teścia o posag Marii. Ten oferował 10 tysięcy rubli. Uczucie jedno, ale rozum drugie. Nasz rodak tak wspomina tę rozmowę w swoim pamiętniku – „Wyjaśniłem mu moją niezamożność oraz zbyt małe zabezpieczenie żony i przyszłej rodziny, dlatego nie zdecyduję się poślubić bardzo go kochającej córki (...) Poprosiłem o wybaczenie i wyszedłem zdruzgotany. Zjawiły się przy mnie matka i cała we łzach Maria. Stałem jak zbity i byłem w stanie powiedzieć jedynie: „Żegnajcie matko i droga Mario Piotrowna, to moja ostatnia noc w naszym domu”. Marię praktycznie na rękach wynieśli do jej pokoju”. Aleksander szybko wrócił do żołnierskich obowiązków, aby zapomnieć o romansie. Młody Polak tak przypadł do gustu rodzinie i znajomym Marii, że zwiększyli posag z 10 do 25 tysięcy rubli, o czym go powiadomili. Droga do ślubu była otwarta. Nasz bohater miał jednak złe przeczucia, nie ufał finansowym obietnicom, a jego

uczucie do Marii „nieco ostygło”. Stryj Rafał w swoich listach z Warszawy ostrzegał przed pochopną decyzją. Aleksander Skolimowski tak po latach wspomina ten moment swojego życia. „W 1856 roku (...) dowiedziałem się, że Maria Piotrowna Mańkowa, wkrótce po moim z nią rozstaniu wyszła za mąż za bogatego obywatela. Żyła z nim bardzo źle, oboje byli temu winni, że została bogatą wdową z dwójką dzieci. Jak widzicie, moje kochane dzieci, jeden tylko Bóg wybawił mnie od ożenku w tak młodym wieku z człowiekiem lekkoduchem”. Wybawił go Bóg i intuicja. Potem wiele razy jej ufał, nie rozumowi i uczuciom.

Toasty generalskie

Po młodzieńczym romansie nie było już śladu. Aleksander całkowicie poświęcił się karierze wojskowej. Polskie wychowanie i edukacja w petersburskiej szkole kadetów znakomicie się uzupełniały. Wysyłano go w różne miejsca, potrafił sobie zyskać przychyłność dowódców, choć niektórzy z nich byli „strasznymi gburami”, jak pisze nasz rodak. Szybko robił karierę w carskiej armii. Czyni porządki tam, gdzie starsi oficerowie nie dają już rady, robi się głośno o młodym Polaku. Ten skromnie pisze w pamiętniku, że wszystko to zawdzięcza wychowaniu stryja Rafała i Bogu. Dobrze wiedział jak zyskać sympatię rosyjskich przełożonych. W 1849 roku w Borożnie, gdzie Skolimowski był już dowódcą batalionu, generał Iwan Ignatjewicz Romanowicz, dowódca brygady wyprawił pożegnalną zabawę. Został awansowany do stopnia generała lejtnanta i dostał dywizję piechoty w Orenburgu, rosyjskim mieście nad Uralem, na granicy z Azją. Był to powód

do radości. Aleksander Skolimowski wspomina: „Wznoszono wiele toastów, wszyscy mówili jeden przez drugiego same uprzejmości do generała, ja nie byłem gorszy, a pobudzony winem powiedziałem „Wasza Ekscelencjo, zawsze ceniłem i cenił będę Wasze do mnie dobre usposobienie, nie zapominajcie o mnie tym bardziej, że za wielkie szczęście poczytywałem sobie służyć pod waszym dowództwem”. Słowa te wypowiedziane bez żadnego celu i w atmosferze libacji, tym bardziej, że tego generała nie lubiłem i wszyscy bardzo się cieszyliśmy z powodu tego wyjazdu. Ale te słowa miały wielki wpływ na dalszy przebieg mojej służby...”. W ten sposób młody Polak, Aleksander Skolimowski zyskiwał przychyłność rosyjskich generałów. Tych samych, którzy wcześniej tłumili powstanie listopadowe. W Skolimowskim widzieli dobrego żołnierza i dowódcę, dopiero potem Polaka. Do Polski nie pozwalali mu się zbliżyć, choć bardzo tęsknił za Warszawą, rodzinnym Skolimowem. Wysyłano go dalej na wschód, na bardziej dzikie, stepowe, pustynne i graniczne tereny Cesarstwa Rosyjskiego. Dla człowieka udręka, ale dla żołnierza to była nobilitacja.

Pierwsze widzenie Anny

Wojskowe awanse Skolimowskiego były kwestią czasu. W jego głowie były inne myśli: „Miałem 34 lata i samotność dawała mi się odczuć. Jeśli zostałem jak dotychczas w armii, to ożenek nigdy nie mógł być brany pod uwagę, a z drugiej strony przyszłość i życie też wymagały założenia rodziny”. Trudno znaleźć żonę, mając najbliższą rodzinę kilka tysięcy kilometrów dalej, ale zawsze można liczyć na przyjaciół. Zwłaszcza w wojsku.

Jeden z nich doprowadził do spotkania Skolimowskiego z Anną Suską, rosyjską panną z miejscowości Michajłowskoje pod Smoleńskiem. Anna była katoliczką, jej rodzina miała polskie korzenie. Pierwszy raz spotkali się w Moskwie, gdzie Aleksander leczył się po kontuzji nogi. Tak relacjonuje ten moment w swoim pamiętniku: „Mile i drogie dzieci! Był to pierwszy krok w zbliżeniu do waszej mamy. Ta minuta na zawsze zostanie w mojej pamięci. Miłość Boga do mnie była większa od moich zasług. Jego święta wola niewidzialnie poprowadziła mnie do szczęścia”. Skolimowski dokładnie je opisuje: „Włosy miała płowe, splecione w ogromny warkocz. Od pierwszego spojrzenia wasza mama wywarła na mnie ogromne wrażenie. Wszystko co widziałem, pasowało do mojego gustu i wyobrażeń”. Kuracja carskiego oficera po tym spotkaniu przebiegła błyskawicznie. Moskiewskie spotkanie z panną Anną Suską miało uzdrawiającą moc. Tak jak wszystkie ich spotkania, do końca życia. Z tego związku ucieszył się stryj Rafał. Dał temu wyraz w listach przysyłanych z Warszawy. Poczciwy ksiądz „wymodlił” żonę katoliczkę dla swojego bratanka w dalekiej Rosji. Niewiele zabrakło, aby do tego związku nie doszło, gdyż ojciec Anny Suskiej okazał się skąpcem i nie chciał dać należytego posagu córce. Powtórzyła się historia sprzed kilkunastu lat z Marią Mańkową. Tym razem Aleksander Skolimowski był już bardziej pobłażliwy. Jego pozycja finansowa i zawodowa była mocna, uczucie do Anny jeszcze silniejsze. Ze swoim teściem nigdy nie był jednak w dobrych stosunkach.

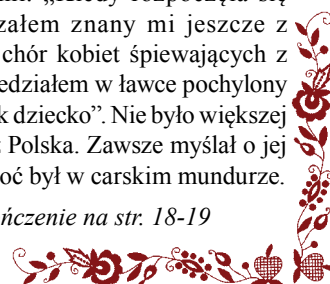
Boże Ciało

W 1852 roku Skolimowski dostał przepustkę do Polski. Po 21 latach zobaczył Warszawę i rodzinne strony. Stryja Rafała już nie spotkał, gdyż ten cztery lata wcześniej zmarł. Nie doczekał widoku bratanka w carskim mundurze, a ten popłakał się nad jego grobem na Powązkach. Wizyta w rodzinnych stronach pod Siedlcami przywołała wspomnienia z dzieciństwa. Najbardziej podczas mszy w święto Bożego Ciała w kościele w Mordach, pod Siedlcami: „Kiedy rozpoczęła się suma usłyszałem znany mi jeszcze z dzieciństwa chór kobiet śpiewających z organami. Siedziałem w ławce pochylony i płakałem jak dziecko”. Nie było większej świętości niż Polska. Zawsze myślał o jej szczęściu, choć był w carskim mundurze.

Dokończenie na str. 18-19

Penza

Początek na str. 16

Twierdza Orenburg

Dalsze żołnierskie losy Aleksandra Skolimowskiego związane były z azjatyckimi rubieżami Rosji, stepami i pustyniami. Duża w tym zasługa generała Romanowicza, któremu nasz rodak tak pięknie schlebiał. Ten sprowadził go do Orenburga, twierdzy na granicy Europy i Azji. Dziś to półmilionowe miasto znane jest z tego, że w 1954 roku dowództwo radzieckiej armii przeprowadziło „eksperyment”. W pobliżu Orenburga zrzucono bombę atomową i posłano wojsko, aby walczyło w warunkach zagrożenia jądrowego. Nie wiadomo, ilu żołnierzy wówczas zginęło, bo komunistyczna propaganda zatuszowała sprawę. Prawdopodobnie było około 60 tysięcy ofiar tego „eksperymentu” wojskowego. Do dziś zachorowalność na nowotwory jest w Orenburgu najwyższa w Rosji. Nasz rodak przybył do Orenburga sto lat przed tym wydarzeniem i nie eksperymentował na swoich żołnierzach. Starał się poskromić rogate dusze Kirgizów, którzy stanowili trzon jego batalionu.

Karawana wielbłądów

W życiu osobistym układało się dobrze. Młoda żona towarzyszyła Aleksandrowi w żołnierskiej tułaczce. Z płaczem pożegnała się z rodzinnymi stronami i wyjechała z nim w stronę Azji. W Orenburgu pojawiły się problemy, jakich nasz rodak się nie spodziewał. Stał się częścią intrygi i wojny, jaką generał Romanowicz toczył z Wasilijem Aleksandrowiczem Pierowskim, gubernatorem wojennym obwodu orenburskiego. Polaka oskarżono o przyjęcie dostawy wadliwej broni dla wojska. Długo się z tego tłumaczył, w końcu przekonał Pierowskiego o swojej niewinności. Rozmowa z Pierowskim, to kolejny ważny moment w jego karierze wojskowej. Rosyjski gubernator zasłynął między innymi zdobyciem Ak-Mechet, głównej twierdzy Kokańców (stworzyli chanat na terenie dzisiejszego Uzbekistanu). Na jego cześć Ak-Mechet nazwano Fortem Pierowskiego. Dziś to 150-tysięczne miasto nazywa się Kyzylorda i znajduje się na terenie Kazachstanu. Gubernator Pierowski polubił Skolimowskiego do tego stopnia, że mianował go dowódcą Fortu Pierowskiego. Skolimowski zostawił żonę wraz z rocznym synkiem Aleksandrem i udał się ze

POLAK W CARSKIM MUNDURZE

swoim batalionem w daleką podróż do azjatyckiego fortu. Szli w wielkim upale, przez piaski pustyni Kara-kum, w karawanie wielbłądów.

W Forcie Pierowskiego

W końcu dotarł do Fortu Pierowskiego: „Jeszcze w Orenburgu mówiło mi dowództwo, że szeregowi 4 batalionu są mało zdyscyplinowani i grubiańscy i że potrzebna jest im silna ręka. Przyznam, że mnie to mocno zaniepokoiło, ponieważ od pierwszego spotkania polubiłem ich i chociaż dowodziłem tylko dwa lata, to lepszych żołnierzy już nie spotkałem. Niech Bóg uchowa od ciężkiej służby w stepie (...) żołnierze sami musieli wszystko zdobywać poza prowiantem rządowym, wszystko swoją pracą i bezpłatnie. Przygotowują drewno, koszą trawę, urządzają ogrody, umocnienia, drogi, mosty i przeprawy.” Razem z nimi nasz rodak starał się „cywilizować” azjatyckie stepy. „(...) to była dzicz i straszna pustynia, tylko praca, ta zarówno umysłowa, jak i fizyczna, nie pozwalała na myślenie o sobie i naszej sytuacji”. Udało mu się zbudować wojskowe koszary, mimo nieprzychylniej opinii zwierzchników. Przekonał żołnierzy, że lepiej spać w budynku z piecem i oknami, niż w namiotach. Ci w nocy budowali koszary. Tak podsumował ten czas w pamiętniku „(...) z żołnierzem rosyjskim wszystko jest możliwe, jeśli się go zrozumie”.

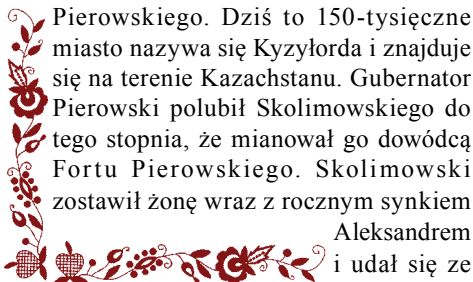
Skolimowski przez dwa lata budował umocnienia, mosty i drogi w okolicy Fortu Pierowskiego. To nimi sto lat później zwożono ciężki sprzęt do stacji kosmicznej w pobliskiej miejscowości Bajkonur, na kazachskim stepie. W 1961 roku Jurij Gagarin, jako pierwszy człowiek, wystartował stamtąd w kosmos.

Sasza i Michał

W życiu osobistym szczęście młodych małżonków mieszało się z goryczą. Skolimowski nie chciał być sam. W Forcie Pierowskiego przygotował dla żony uroczy domek obok wysepki na rzece Syr-Daria. Anna Skolimowska przebyła ponad tysiąc kilometrów żeby zobaczyć męża. Jechała z małym synkiem, któremu nie dane było bliżej poznać ojca. Aleksander wyjechał przywitać ich na stepie: „Oboje biegliśmy do siebie, upał był straszny i spoceni rzuciliśmy się w objęcia. Podobnej radości i chwil w życiu nie miałem, nie wierzyłem swemu szczęściu i długo nie mogliśmy wypowiedzieć słowa, łyż ciekły nam po policzkach. Oprzytomnieliśmy dopiero kiedy podjechał do nas tarantas i zobaczyłem mojego synka, Saszę. Ze spotkania ich obojga byłem zachwycony, mamę i jej niebieski płaszcz do teraz pamiętam. Sasza był zdrowym chłopcem i rozumiał już, że przyjechał do ojca”. Lato 1855 roku zostało w pamięci trójki Skolimowskich najpiękniejszym momentem w życiu

Orenburg

Hrabia Wasilij Pierowski

rodziny. Było to ich jedyne, wspólne lato. Mały Sasza zachorował na zapalenie głowy i mimo zabiegów lekarza zmarł 22 sierpnia: „Jego śmierć była dla nas wielkim cierpieniem i mama długo nie mogła się uspokoić”. Klimat dzikiej, rosyjskiej Azji okazał się okrutny dla małego chłopczyka. W marcu 1856 roku Skolimowskim urodził się drugi syn, Rafał. Pół roku później wyjechali z nim do Orenburga, służba Aleksandra w Forcie Pierowskiego dobiegła końca. Podróż przez stepy znów okazała się morderczą, półroczny Rafał jej nie wytrzymał. Rodzice pochowali go w jednym z fortów nad rzeką Syr-Daria. Dziś to miasto – Kazały w Kazachstanie. Tam pochowany jest Rafał Skolimowski, mały polski chłopczyk.

Masza i Lena

Dla Anny Skolimowskiej były to straszliwe ciosy. Mąż chciał jej ulżyć w rozpacz, najlepszym sposobem na to, było spotkanie z najbliższymi – tatą i siostrami. Rodzina Suskich spotkała się w Moskwie, chwila była wzruszająca. Anna myślała mniej o dwóch synkach, których zostawiła w Azji. Sielanka rodzinna nie trwała długo, Skolimowscy wrócili do Orenburga. Anna została w mieście, podczas gdy mąż dokonywał inspekcji rosyjskich fortów na Uralu. Tam dotarł do niego list od żony. Kończył się słowami „Winszuje ci mój drogi dwóch córeczek. Mam jeszcze na tyle siły, żeby powiadomić o tej radości, czuje się nieźle i dziękuje Bogu”. Oficer Skolimowski popłakał się, czytając list, chowając

swoje wzruszenie gdzieś nad brzegiem rzeki Syr-Daria. Na świat przyszedł jego córki, bliźniaczki – Masza i Lena: „Wcześniej płakałem z goryczy, a teraz zacząłem płakać z radości i przyznaję wam, że na wieść o waszych narodzinach beczałem jak baran. (...) nigdy nie cieszyłem się tak, jak w tej chwili, kiedy dowiedziałem się, że urodziły się mnie dwie „niedobre” dziewczynki. Do dziś radujecie mnie i żeby Bóg tak dał do samej śmierci, żebyście na zawsze takie były”. Bóg tym razem zlitował się nad rodziną Skolimowskich, prośba została wysłuchana. Lena i Masza żyły zdrowo i szczęśliwie.

Ekumeniczny cud

Szczęście było okupione dużym cierpieniem. W ostatnich dniach przed porodem życie matki było zagrożone, pojawił się olbrzymi obrzęk, lekarze okazali się bezradni. Czy matka przeżyje poród? Niepewny był los dziewczynek. W tym czasie do Orenburga przywieziono cudowny obraz Matki Boskiej Tabyńskiej, do której modlili się w swoich cerkwiach uralscy Kozacy. Rosjanka Wasiljewna, która opiekowała się Anną Skolimowską, zachęcała ją do modlitwy. Właśnie do Matki Boskiej Tabyńskiej. Anna, jako katoliczka, miała dylemat, czy wypada prosić o wstawiennictwo u prawosławnej Bogurodzicy. Skolimowska zapytała o radę Michała Zielonkę, polskiego księdza w Orenburgu. Wcześniej był przeorem dominikanów w Grodnie. Do Orenburga został zesłany w 1833 roku za udział „w buntowniczych planach”. Gdyby szukać pierwowzoru postaci tajemniczego Księdza Robaka w „Panu Tadeuszu” Adama Mickiewicza, to historia księdza Zielonki jest dobrym tropem. Ksiądz Zielonka miał powiedzieć do cierpiącej Anny Skolimowskiej: „Jeśli chcesz modlić się do Matki Bożej ukazanej na obrazie Tabyńskiego monasteru i prosić naszą Orędowniczkę o pomoc, to mogę ci odpowiedzieć na to, że Bogurodzica jest jedna i czy ja, czy prawosławny pop będą wspierać cię w tej modlitwie, to Bogu i Bogurodzicy jest wszystko jedno”. Święte słowa. Aleksander Skolimowski uznał, że szczęśliwy poród w Orenburgu to cud za sprawą Matki Boskiej. Lena i Masza były dziećmi ekumenicznego cudu. Anna Skolimowska urodziła później jeszcze dwoje dzieci: Annę i Kołę, ale były zbyt słabe i nie wytrzymały trudów żołnierskiej tułaczki.

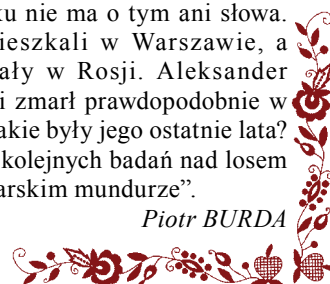
Okiełznane stepy

Długo nie było dane cieszyć się z orenburskiego cudu. Aleksander dostał kolejny przydział wojskowy, znowu do azjatyckich fortów nad Syr-Darią. Czwórkę Skolimowskich czekała kolejna przeprawa przez stepy Kazachstanu. Upały były okrutne: „(...) nasza podróż była taka, jak w czasach, kiedy patriarchowie chodzili po stepach Palestyny. Pod koniec podróży już okrzepłyście i wyglądałyście jak Cyganki, bo byłyście opalone na ciemno od słońca” – przypomina Skolimowski swoim córkom. Rodzina trafiła do fortu wojskowego Kazała, gdzie wcześniej pochowany był Rafał. Zamieszkali w budynku przypominającym oborę dla bydła. Lata wędrówek sprawiły, że potrafił przystosować się do każdego warunków. Na tyle skutecznie, że 23 października 1858 roku rodzina powiększyła się o chłopczyka Waniuszę (Janka). Znowu matka omal nie przypłaciła porodu życiem. Było ich pięcioro.

Sen o Warszawie

Po 1863 roku i powstaniu styczniowym Rosjanie niechętnie patrzyli na Polaków. Odczuł to Aleksander Skolimowski, który stracił wpływy w carskiej armii i został odsunięty do wojsk rezerwy. Potrzeby rodziny były duże, trzeba było opłacić dzieciom szkołę w Petersburgu. Pensja żołnierska była zbyt mała, Anna nie mogła liczyć na wsparcie ojca. Wybawieniem okazał się wuj Leopold Suski, mieszkający w Petersburgu, który przekazał rodzinie Skolimowskich 20 tysięcy rubli. To wystarczyło na wykształcenie dzieci. Aleksander Skolimowski otrzymał w 1870 roku „stopień generała majora i generalskie uposażenie wraz z emeryturą stopnia pułkownika”. Dzięki temu sielsko spędzili kolejne lata. Nie musieli wędrować po stepach w karawanie wielbłądów. Na wojskowej emeryturze Aleksander bez reszty poświęcił się dzieciom. Zapiski w jego pamiętniku urywają się w październiku 1874 roku. Marzeniem Skolimowskich był powrót do Polski. Być może tak się stało, ale w pamiętniku nie ma o tym ani słowa. Ponoć zamieszkali w Warszawie, a dzieci zostały w Rosji. Aleksander Skolimowski zmarł prawdopodobnie w 1895 roku. Jakże były jego ostatnie lata? To temat do kolejnych badań nad losem „Polaka w carskim mundurze”.

Piotr BURDA

/K BORCHARDT/

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошлые годы «Польские Ведомости» уже обращались к творчеству знаменитого польского писателя-мариниста, капитана дальнего плавания Кароля Ольгерда Борхардта. Его автобиографические рассказы из книги «Значит капитан» в переводе на русский язык вышли в свет на наших страницах в № 10 (№ 1 за 2005 г.) и № 32-33 (№ 3-4 за 2011 г.). Лишь недавно нам стало известно, что первая публикация произведений Кароля Ольгерда Борхардта на русском языке состоялась в 1970 г., когда газета «Водный транспорт» разместила в №№ 4, 5 и 6 фрагменты рассказов «Тенанга», «Кванто Косто» и «Нордкап».

В нынешнем году нам удалось установить контакт с пани Эвой Островской, которая долгие годы была личным секретарём Кароля Борхардта, а ныне является обладателем прав на публикацию его произведений. Пани Эва любезно разрешила нашей редакции издавать переводы на русский язык ВСЕХ произведений писателя. Отныне в планах редакции «Польских Ведомостей» дальнейшая печать рассказов капитана Кароля Борхардта будет занимать почётное место.

В настоящем номере «Польских Ведомостей» предлагаем вниманию читателя два очередных рассказа капитана Кароля Борхардта «Укселёсунд» и «Король» из сборника «Значит капитан».

УКСЕЛЁСУНД

«Львов» вновь вернул себе былое величие шестидесятилетней давности. Он опять стал пассажирским кораблём, как во времена, когда ещё носил английский флаг и название индийского города ЧИНСУРА, а на его бизань-мачте были реи. Весь твиндек¹ мы освежили и выкрасили белой эмалью, пытаюсь представить себе, как шестьдесят лет тому назад на нём путешествовали военные и чиновники с семьями, отправляясь в Южную Африку, Индию или Австралию.

Теперь в качестве пассажиров плывут с нами в Стокгольм харцеры². Везём мы и экспонаты на Стокгольмскую сельскохозяйственную выставку. Пассажиры наши, как и мы, спят в подвесных койках, принимают пищу в твиндеке за подвесными столами, сидя на длинных банках³. Были ли здесь раньше каюты и койки? Догадаться невозможно — от многочисленных переделок судна следов не осталось.

Жизнь наша протекает намного разнообразнее, чем в прошлых рейсах с проблемным грузом. С полшестого до восьми вечера проходят концерты. Их ведёт Далай-лама. В воскресенье организуем спортивные состязания. Прошёл как-то раз даже шахматный турнир, на котором я завоевал второе место. Случилось это в одно из воскресений, когда я был назначен в помощь дневальному по твиндеку, поскольку сам дневальный не мог ничего делать из-за порезов на руках. На объявленный нами турнир никто больше не явился. Поэтому весь день играли мы лишь вдвоём до тех пор, пока я не стал вице-чемпионом по шахматам.

Такого рода титулы никому на «Львове» не импонировали. А вот

ЗНАЧИТ

титулы, завоёванные в дисциплинах, требующих физического развития, передавались, как легенды, «из поколения в поколение». Наибольшим признанием пользовался вице-чемпион Варшавы по боксу в разряде юниоров. Это был ученик Юноши⁴ — Сясь, которого никто не смог победить ни на «Львове», ни на состязаниях в школе. Сясь тренировался непрерывно и настойчиво. Даже на качающейся палубе он проводил «схватку с тенью» между подвесными койками.

Сила нашего Сяся

вовсе не в быстроте,

Если он использует

«фразу Карпантьё⁵».

Это двустипшие родилось когда-то во время традиционных межбортовых «поэтических конкурсов».

Занятие по прыжкам в высоту, в длину, по борьбе, фехтованию проводились как на суше — в школе, так и на «Львове». На судне, однако, процветала акробатическая гимнастика. Легендарными были, к примеру, подвиги тех, кто сумел постоять на клотике. Клотики, представляющие собой наверх, имели на «Львове» форму толстых сплюснутых сверху дисков, наложенных на торцы мачт. На клотике едва помещались обе стопы. Некоторое, хотя и незначительное облегчение представлял собой прут антенны длиной сантиметров двадцать над клотиком. Некогда момент такой стойки на клотике был запечатлён на фотографии. Снимок носил название: «Тот, кто занял самое высокое положение в торговом флоте». Этот подвиг совершил Тадек Мейсснер.

В тридцати метрах над палубой в месте соединения стеньги⁶ с брам-стенгой⁷ располагались две краспицы — горизонтальные металлические стержни, соединённые между собой поперечиной,

¹ Твиндек — межпалубное пространство на торговых судах (примеч. переводчика)

² Харцеры — участники скаутовского движения в Польше (примеч. переводчика)

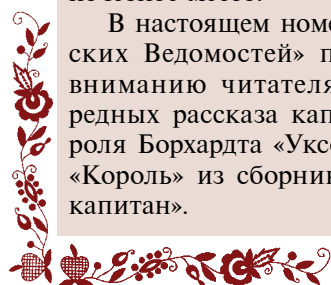
³ Банка — скамейка со складывающимися ножками на корабле (примеч. переводчика)

⁴ Виктор Юноша-Домбровский — знаменитый боксёр и журналист (примеч. переводчика)

⁵ Фраза Карпантьё — один из приёмов известного французского боксёра

⁶ Стеньга — продолжение мачты в высоту (примеч. переводчика)

⁷ Брам-стенга — продолжение стеньги в высоту (примеч. переводчика)

КАПИТАН

напоминающей гимнастическую перекладину. Находились смельчаки, которые на этой перекладине делали оборот тела вокруг оси с заменой рук или же висели на пальцах ног, свешивая вниз голову и руки.

Со слабым восточным ветром мы идём на север. Как и всегда, в судовом журнале рубрика «порт назначения» остаётся незаполненной, хотя нам известно, что идём в Стокгольм.

Воскресенье в море. Большие соревнования под названием «Бег через мачты». Эти состязания выглядели так: по поданному знаку следовало правильно вязать флага-фалы шкотовыми узлами, поднять флаг, закрепить фал поднятого флага на нагель-планке и начать бег от кормового леерного ограждения к вантам фок-мачты, подняться на салинг, сойти с другой стороны на палубу, затем добежать до вант грот-мачты, опять взбежать на салинг, сойти с другой стороны грот-мачты и вернуться на место старта, чтобы спустить флаг.

К известным своею отличной подготовкой участникам на этот раз подключился наш чемпион по шитью парусов и по игре на гитаре — Влодек Цыбульский, то есть «Старик». Влодек явился на старт в высоких юфтевых сапогах, которыми обычно пользовался в

штормовую погоду. Был он в них похож на шведского рейтара и вызвал неописуемое веселье среди соперников, обутых исключительно в лёгкие туфли. Старик попросил лишь дать ему возможность бежать последним. Все дружно согласились, желая самый весёлый забег оставить напоследок.

Забег проходили, конечно же, на время, отсчитываемое секундомерами трёх судей. Результаты, показанные каждым из соперников, отличались всего лишь секундами. Все вязали узлы как автоматы и взлетали на мачты белками. Каждое движение было рассчитано и отточено. Спуск по вантам был так стремителен, что зрители не успевали следить за движением ног. Участники подбегали, наконец, к поднятому флагу и молниеносным движением освобождали его. Один рывок — и флаг как завершение забега оказывается в руках участника соревнования. Все три секундомера фиксируют почти одни и те же результаты.

Наконец и Старик вышел на старт. Его бег в массивных высоких сапогах представлялся совсем уж потешным. Секунду он выиграл на подъёме флага, прямо-таки молниеносно завязывая узлы. Потом с места в карьер ринулся он к вантам фок-мачты под вопли всеобщего восторга и

топот штормовых сапог. Старик, отличавшийся длинными руками, вверил им всё бремя подъёма на салинг. Когда на высоте тридцати метров он перемахнул на другую сторону салинга, произошло неожиданное: прежде чем кто-либо успел сообразить, что же случилось, Старик был уже на палубе и нёсся к вантам грот-мачты. Прямо с салинга он перескочил на фордун⁸, свободный от каких-либо вплетений, охватил его сапогами и моментально съехал на палубу. Несмолкаемые аплодисменты сопровождали весь путь Старика на салинг грот-мачты и последующий молниеносный, опережающий даже мысль, спуск по следующему фордуну. Ещё немного, и Влодек в атмосфере всеобщего ликования был объявлен победителем забега.

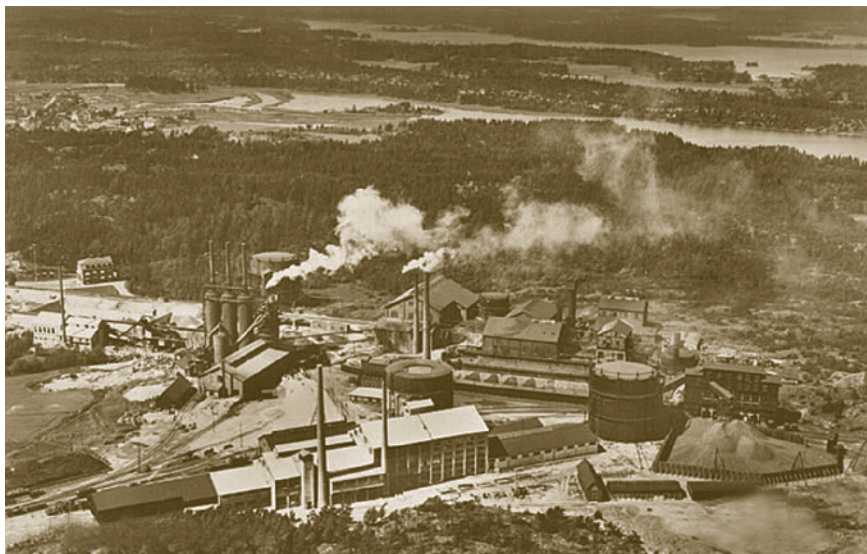
В этот же день случилась и ещё одна неожиданность. Сильный ветер, заходящий с севера, заставил нас свернуть брамсели. Поскольку у нас на борту были пассажиры, мы старались всё исполнять как можно чётче и быстрее. Внезапно, уже при обнесении паруса сезнем, Эдек Губала сорвался вниз с тридцатиметровой высоты.

Все смотрели, затаив дыхание, и желали ему упасть в море. Мы были готовы мгновенно выбросить за борт всё, что плавает и тут же спустить шлюпку. А если он упадёт на палубу? Не хотелось об этом даже думать.

Эдек держал в руках ходовой конец сезня, который второпях потянул по ошибке вместо коренного, уже обнесённого вокруг рея. Мы увидели, как трос вытянулся под тяжестью Эдека. Тело подбросило на длинной снасти, но сжатые ладони её не выпустили. Эдек — силач небольшого веса и прекрасно развитой мускулатурой плечевого пояса и бицепсами, двинулся вверх по сезню. Как на занятиях по гимнастике поднялся он по тросу на рей, завершил крепление паруса и тут же спустился на палубу.

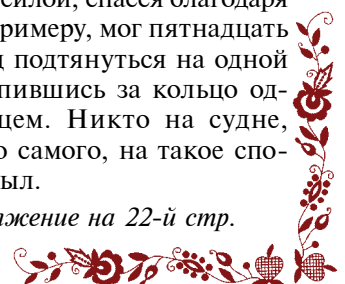
Вне сомнения, Эдек, известный своей силой, спасся благодаря ей. Он, к примеру, мог пятнадцать раз подряд подтянуться на одной руке, зацепившись за кольцо одним пальцем. Никто на судне, кроме него самого, на такое способен не был.

Продолжение на 22-й стр.

Укселёсунд

⁸ Фордун — снасть, проходящая от вершины мачты к борту

ПАДЕНИЕ с рея наблюдал и капитан. Как только Эдек сошёл с мачты, к нему подоспел второй офицер, осмотрел его руки и распорядился явиться к капитану.

— Значит, как это случилось? — спросил капитан.

— Я потянул по невнимательности, пан капитан, так уж вышло, за ходовой конец сезня и сорвался, — объяснил Эдек.

— Значит, это произошло по вашей невнимательности? — убедился капитан.

— Так точно, по невнимательности, пан капитан! — подтвердил Эдек.

— Значит, если с вами ещё раз случится что-то подобное по невнимательности, значит, я вас накажу. Значит, я требую, чтобы вы были внимательны! Понятно?

— Так точно, пан капитан!

— Значит, вы свободны.

Капитан и Эдек откозыряли друг другу, и жизнь на «Львове» потекла своим чередом.

Штормовой ветер и неблагоприятные условия для лавирования не дали нам возможности зайти в Стокгольм. В судовом журнале в качестве порта назначения мы записали рейд Укселёсунда, а у замечательно нарисованного в журнале якорька поместили отметку: «Встали на правый якорь, отдано пять смычек цепи». Если на якорной стоянке у капитана возникала потребность попасть на берег, то самым быстрым средством доставки был наш десятивёсельный катер. Команда шлюпки состояла из добровольцев. Наградой за напряжённую продолжительную греблю была привилегия оставить «первый след ноги» на берегу новой страны. Команда катера была дополнительно озабочена поддержанием его в состоянии цветущей свежести. Шлюпка представляла собой плавающую выставку всех возможных для демонстрации узлов, плетёнок и даже тканых на станке матов, изготовленных «чемпионом» в этой дисциплине Казимежем Рутковским.

К моменту постановки на якорь команде катера надлежало быть выбритой и вымытой в дополнительном литре воды, выделяемом каждому её члену. Мы все ста-

ЗНАЧИТ

Барк «Львов»

рались облачаться в одинаковые робы, выстиранные и выкатанные по случаю такого торжества. В Укселёсунд мы отвалили от трапа одновременно с моторной лодкой портовых властей. Волнение было значительным. Мы тут же отметили, что моторная лодка, терзаемая волной, не может развить полного хода. Не сговариваясь, решили мы начать с ней гонки. Темп становился всё выше. Через несколько минут мы с моторной лодкой поравнялись, а затем стали оставлять её всё дальше и дальше за кормой. Капитан был весьма доволен, хотя и не выражал этого словами. Но нам вполне хватало глянуть на капитанскую челюсть, которая, как безошибочный барометр, показывала «fair» — «ясно».

За волноломом волнение успокоилось, моторная лодка нас догнала, опередила и исчезла. Челюсть капитана, однако, продолжала показывать «хорошую погоду».

Катер подошёл к набережной, и капитан сошёл на берег. Флаг был нами свёрнут. Капитан предупредил, что через минуту-другую вернётся, поэтому после ритуальной процедуры «ступить ногой на земную твердь» мы сидели как прикованные к вёслам. Капитанская «минута» растянулась на четверть часа. Вернулся он, чтобы

объявить нам, что приедет через четыре часа, и что за это время мы можем ознакомиться с городом.

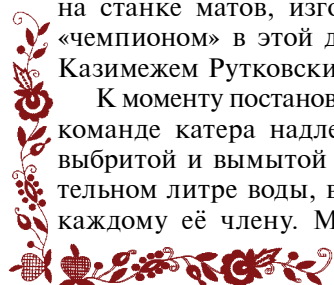
Команда парусника под экзотическим флагом, бросившего на рейде якорь, пробудила интерес у жителей Укселёсунда. Огромная толпа собралась на набережной.

Шведы проявили к нам неподдельный интерес. Мы видели, что им нравится наша выставка матов, дорожек и узлов. Вытянувший жребий остался на катере, а оставшаяся десятка сошла на берег. Многие шведы приехали на велосипедах. Через минуту мы уже ездили на них по площадке. «Аборигены» были столь любезны, что предложили нам свои велосипеды для осмотра города и даже подобрали нам в качестве гида симпатичную девушку.

Девушка была в восторге от своей роли. Она двинулась вперёд, ведя гуськом за собой всю нашу десятку. Затем на велосипедах последовали жители Укселёсунда, захотевшие нас сопровождать. Пронеслись мы по улочкам города, осмотрели прекрасный парк и всё то, что svenska flicka⁹ сочла нужным показать польским мореходам. После возвращения на набережную мы с благодарностью вернули хозяевам их велосипеды.

Наше появление на улицах Укселёсунда в «кильватерном строю»

⁹ Svenska flicka — шведская девочка (шведск.)

КАПИТАН

на велосипедах подняло городок на ноги. И, когда мы отправились в парк уже в пешем порядке, нас сопровождала внушительная толпа. Восторгаясь парком, мы задержались у столиков небольшого кафе. Кафе заполнено. Почти все столики заняты. Беседу с сопровождающими нас шведами мы ведём в той мере, в какой позволяет нам скромное знание иностранных языков. Нам стало понятно, что им было бы приятнее, если бы мы, экзотические для них моряки, продемонстрировали что-нибудь интересное. Всё, что мы могли им рассказать о себе по-английски или по-немецки было сухо и непривлекательно. Призадумались мы, чем бы их изумить? Ни хоровое, ни сольное пение в расчёт не входило, поскольку никто из нас подходящего уровня собой не представлял. Решили мы на акробатику, демонстрируя публике программу наших состязаний в твиндеке: хождение на руках, «живой пакет» в основе которого было подсовывание ног под мышки и закладывание рук на спину, мост, сальто... Мы с Котом продемонстрировали парные номера — лёгкие, но эффектные.

Криком «Браво!» не было конца. Некоторые номера исполнялись на бис. Многие восторженные зрители тут же стали вручать нам деньги. Другие приглашали нас за столики на кофе и пирожные. Когда мы от всего отказались, появилась хозяйка кафе — высокая и симпатичная блондинка, неся две

плитки шоколада. Таких больших плиток нам ещё не приходилось видеть. Мы с Котом, когда она пыталась их нам вручить, смутились, не зная, как поступить. Но прекрасная шведка подала каждому из нас руку, и, уже на правах знакомства, заставила нас шоколад принять.

Укселёсунд

Объевшиеся шоколадом, гордо вернулись мы на наш катер. Самый большой кусок шоколадки достался тому, кому выпала доля стеречь шлюпку. Шведы сопровождали нас непрерывно.

При виде возвращающегося капитана толпа на набережной расступилась. Лихо демонстрируем

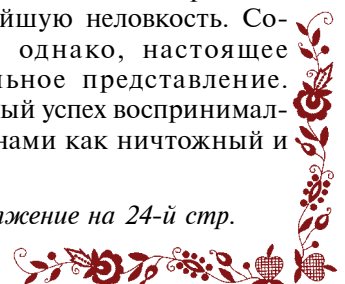
«Отваливай!» баковый с силой отталкивает нос катера. Гребцы беззвучно вынимают бортовые заглушки, маскирующие вёсельные полупортики. Сквозь центры этих квадратных дубовых дощечек пропущены искусно плетённые шкеры, оканчивающиеся снаружи «бриллиантовыми» узлами, вывязанными с китайским терпением и представляющими предмет нашей гордости.

Нас волнует, сумеем ли мы «образцово» исполнить всё на глазах собравшейся публики. Теперь, после заключения знакомства, нам совсем не хочется проявить даже малейшую неловкость. Состоялось, однако, настоящее показательное представление. Шоколадный успех воспринимался теперь нами как ничтожный и пустой.

Продолжение на 24-й стр.

Десятивесельный катер «Львова»

Аврал

Начало на 20-й стр.

БАКОВЫЙ укладывает отпорный крюк. Нос уже достаточно отделился от набережной. Критический момент — это выдвижение вёсел за борт. Оно должно быть исполнено как можно тише. Чем беззвучнее, тем лучше и более «соответствует правилам». Мы чувствуем на себе взгляды знатоков. За борта катера выдвигаются восемь сверкающих чистотой вёсел, выдраенных так, что отчётливо виден рисунок слоёв древесины. Восемь гребцов придвигаются к бортам, позволяя баковым поднять свои вёсла, лежащие посреди шлюпки лопастями в корму. Наступает показательный момент для баковых. Оба действуют так, будто бы каждый из них был зеркальным отображением другого. Поднятые вертикально вёсла соприкасаются лопастями. Тихий их щелчок — это сигнал для баковых вложить вёсла в уключины и опустить на воду.

Понятно, что вид белоснежного катера, ошетилившегося безукоризненно выровненными десятью вёслами, на зелёной водной глади залива должен прийти по душе каждому. Весь манёвр был исполнен почти беззвучно и точно. Слышатся отдельные рукоплескания, а потом их становится всё больше и больше.

— Вёсла на воду! — по этой команде лопасти всех вёсел летят как можно дальше в сторону носа катера и наполовину погружаются в воду. Все гребцы, равняясь на загребных — первых с кормы, синхронно наклоняются вперёд.

ЗНАЧИТ

Следует мощный гребок. Он резко толкает катер вперёд. Шлюпка трогает с такой скоростью, будто от неё зависит наша жизнь.

Не снижая темпа, гребём так до самого «Львова», стоящего на якоре в немалом отдалении. Во время этой гребли думаем, что, быть может, кому-нибудь из нас удастся подтвердить легендарный рассказ о гребле столь отменной, что в её ходе лопались вёсла. Гребец, совершивший это, получал двухнедельный отпуск. Может быть, раньше гребцы были сильнее, а может, ныне вёсла стали крепче? Но даже во время сегодняшней показательной гребли никому из нас сломать весло так и не удалось.

Последние гребки перед подходом к трапу должны быть ещё мощнее, чтобы успеть убрать вёсла и дать возможность баковым наверняка поймать трос у борта и остановить катер в нужный момент. Шлюпка должна остановиться с точностью до миллиметра, чтобы не передвигать её для удобного выхода капитана на трап.

— Крюк! — раздаётся предпоследняя команда. Баковые прекращают грести. Тут же лопасти обоих вёсел соприкасаются над их головами. Раздаётся щелчок, все гребцы пододвигаются к бортам, вёсла кладутся посередине катера.

Теперь нас рассматривает ещё большее количество глаз, среди которых выделяется самый критический взгляд старшего офицера, готового пронзить своим голосом самую глубокую тишину.

— Шабаш! — последняя команда и последний гребок. Вёсла извлекаются из воды, а затем — из уключин, и укладываются, как дети ко сну, в объятиях гребцов, которые перемещаются к середине катера. Быстро и тихо укладываемые вёсла исчезают внутри катера на банках у бортов и моментально крепятся специально плетёнными для этой цели шкертами с «бриллиантовыми» кнопками и петлями. Отверстия уключин закрываются заглушками. Снаружи шлюпки видны десять «бриллиантовых» кнопов. Катер стоит у нижней платформы трапа.

— Смирно! — командует рулевой. Капитан выходит из шлюпки, отдаёт честь и, как всегда, мы слышим его благодарность в адрес команды, начинающаяся со слова «значит»:

— Значит, благодарю!

Рулевой даёт команду — Вольно! — и сворачивает флаг. Катер идёт под тали.

Подъём шлюпки происходит обычно мгновенно, это так называемая «авральная» работа. Все смены, вызванные на палубу, собираются у талей катера, в котором остаются лишь двое. Остальные гребцы по талям поднимаются на палубу. Оба троса талей уложены вдоль палубы и соединены между собой. Курсанты, держащие их в руках, ждут раздирающего крика старшего офицера: — «Ась, два!» — и тут же бегом выбирают тросы талей. Момент, и катер на такой высоте от воды, что его можно поставить на рострах.

На этот раз при подъёме катера случилось недоразумение между Сясем и одним из младших курсантов из другой вахты, непомерно высоко оценившим свои боксёрские способности. От слов до надевания боксёрских перчаток времени прошло немного. Ещё меньше его потребовалось Сясю на знаменитую «фразу Карпанть». Неудачный противник был повержен. Судья досчитал до двадцати, но поверженный противник Сяся не проявлял никакого желания подняться. Судья прекратил счёт и попросил полить лежащего водой. Прежде, чем это случилось, побеждённый открыл глаза и с трудом поднялся на ноги.

Весь этот поединок прошёл на глазах капитана. Через минуту курсант, несущий боцманскую вахту, передал победителю распоряжение явиться к капитану. Тот внимательно выслушал объяснения Сяся о причинах спора и использованной им тактики. Как только Сяся закончил, капитан, как обычно, сквозь стиснутые зубы изрёк:

— Значит, не ПО-РЫЦАРСКИ это было с вашей стороны. Значит,

КАПИТАН

вы злоупотребили своими профессиональными знаниями. Значит, вы свободны!

КОРОЛЬ

Из Укселёсунда наши «сивки» с места в карьер понесли нас в Стокгольм. Польская неистребимая любовь к лошадям и здесь, на учебном паруснике, нашла своё выражение. Многие из курсантов служили в кавалерии, и все когда-то садились на верховую лошадь. Этим, наверное, следует объяснять, что прекрасные, наполненные ветром, несущие нас паруса, удерживаемые напряжёнными снастями, мы называли «сивками». Наилучший фотоснимок, сделанный нашим курсантским кружком «Морфот», представляющий наполненные ветром паруса, носит название: НУ, СИВКИ!

Перед входом в шхеры мы берём лощмана, убираем паруса и превращаемся в теплоход.

Наша бортовая «Живая газета» информирует, что вот-вот мы будем проходить мимо одиночной гробницы на одном из островков площадью с десятка полтора квадратных метров. Издали наблюдаем стройный памятник. Это могила жены одного из шведских капитанов, который похоронил здесь супругу, чтобы всегда первой её встречать, возвращаясь домой, и с ней последней прощаться, отправляясь в долгий рейс на другое полушарие.

Стокгольм — «Северная Венеция» — очень нам понравился. Но больше всего нас взволновало, что мы будем представлены шведскому королю. Капитан, однако поставил условие: все должны вы-

глядеть ЕДИНООБРАЗНО. Другими словами, наше облачение, начиная с чехлов на бескозырках и кончая обувью — не должно различаться.

Предметы же нашего обмундирования шились в разных уголках Польши. Некоторые из портных никогда в жизни не видели морских брюк и понятия не имели о тайне их покроя, который помогал избавиться от штанов в случае «потопления корабля». Это обстоятельство производило особенное впечатление при обсуждении с портным кроя данной части гардероба. От такого сообщения швец бывал вмиг ошеломлён важностью того, что ему предстоит пошить и от чего будет зависеть жизнь клиента.

Вторым полным тайн предметом матросского убранства была форменная рубашка, в которой предстояло «погибать» после освобождения от брюк. Матроска должна облежать тело, особенно в талии, но через эту подогнанную по фигуре «узость» требовалось протиснуть при надевании ещё и «державно-морской» тюр, достаточно развитый, чтобы «что-то» переплыть или держаться на воде неопределённое время, пока не подоспелет помощь. А помощь могла и не прийти, и это было крайне романтично. Приталить форменки можно было тремя способами. В первом случае матроска как можно точнее подгонялась по талии. Владелец натягивал рубашку на себя с помощью двух товарищей, которые, ломая ногти, и держась за краешек, натягивали её на грудную клетку после абсолютного выдоха. Операция требовала

НУ, СИВКИ!

быстроты действий, чтобы успеть до наступления неизбежного глубокого вдоха. Если этого не сделать вовремя, первый же глоток воздуха разорвал бы приталенную рубашку. Такой принцип одевания способствовал появлению некой корпорации владельцев форменок, пошитых по этому принципу.

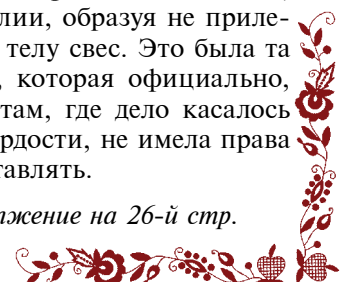
Несмотря на мощные узы, объединявшие «корпорантов», трудности, обусловленные трюйственной взаимозависимостью при одевании и раздевании, привели к появлению в их рядах «отщепенцев», придумавших иную модель рубашки. Они отказались от безупречного вида талии. По бокам форменок делались разрезы. В обмётанные допустимых размеров отверстия продевались специально сплетённые из шёлковых нитей шнуры. После одевания матроска в этих местах накрепко зашнуровывалась. Получалось не совсем то, что надо, и это снижало оценку внешнего вида владельца форменки до второй категории.

Третью группу представляли те, кому не удалось уговорить или убедить шьющих им форменки портных скроить рубашку столь обтягивающими, как им того хотелось. Блузы эти оставались почти одинаково широки как в плечах, так и в талии, образуя не прилегающий к телу свес. Это была та категория, которая официально, особенно там, где дело касалось чести и гордости, не имела права нас представлять.

Продолжение на 26-й стр.

Укселёсунд

Начало на 20-й стр.

НЕ МЕНЬШУЮ головную боль доставляли матросские воротники. Умение закреплять отложной воротник особого покроя с целой системой петелек и тесёмок, удерживающих его в неизменном положении, напоминало надевание доспехов средневековыми рыцарями. Это требовало длительно выработанного навыка и овладения способом быстрого продёргивания сквозь надлежащие петельки соответствующих тесёмок. Нашивка на воротник белых полосок, напоминавших названия: Абукир, Копенгаген и Трафальгар — трёх мест, где Нельсон разгромил флоты противников Англии, не составляла большого труда, но вот их ширина и просвет между ними представляли трудноразрешимую проблему.

Самой болезненно воспринимаемой и осязаемой особенностью воротника был его цвет. Идущий к лицу голубоглазого моряка цвет сатина всегда был убийствен для любимой на свиданиях дома по праздникам, но полностью дискредитировал владельца, как курсанта Морской школы, в особенности при исполнении им представительских функций. Никто не знал, в какой шеренге и на каком крыле носителей таких воротников ставить, чтобы в глаза не бросались. Для счастливых, которым удалось добыть форменные воротники военно-морского флота из специального плотного материала тёмно-синего цвета, владельцы голубых сатиновых воротников представлялись людьми низшего сорта, за которыми закрепилось прозвище «голубые парни». В былые времена воротники служили для защиты рубахи от пачкающей смолы, которой пропитывались волосы, сплетённые иногда в косичку. Ныне воротники остались во всех флотах как дань традиции. Английский флот носит их, пожалуй, ещё и для облегчения девушкам выхода замуж. Шлепок моряка по воротнику представляется им верным средством для скорого замужества. В период пребывания в Англии мы неоднократно ощущали это на себе, но не могли проверить, в самом ли деле пове-

ЗНАЧИТ

Одна из экспозиций Скансена

рье столь надёжно и действительно ли все девушки, которые шлёпали нас по воротнику, нашли мужей в ближайшее после нашего отплытия время.

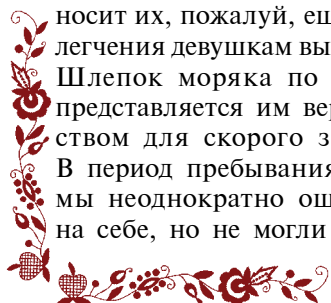
Воротник вовсе не был пределом головной боли поступавшего в Морскую школу кандидата. Оставался ещё и галстук. Галстук — символ траура по Нельсону, которого почитали идеалом и образцом, носился всеми моряками всего света. Конечно же, галстук чёрного цвета. Его предшественником был шейный платок. В этом платке некогда носили трубку, табак, деньги. Им вытирали пот, заливавший глаза при наводке раскалённых орудий или долгого размахивания ножом в рукопашной схватке.

Наши разнообразные галстуки вполне могли служить мерой воображения своих владельцев. Одни носили огромные свёртки чёрного сатина, уложенные под воротник и завязанные большим узлом. Оба конца узла прятались под блузу, после чего форменка и узел придавали торсу атлетический вид без ненужного уже выпячивания груди. Этот тип галстука считался классическим, поскольку был истинным «потомком» своего предшественника — платка. Галстук другого типа носили те, кому не нравилось, как воротник топорщится из-за свёрнутого под ним на шее платка. Они нашли выход из положения, отрезая часть платка, укладываемую на шею, и на это место пришивали тесёмки. Воротник в

этом случае лежал как влитой, а вот тесёмками можно было регулировать длину галстука. Кое-кто в узел вкладывал специально сшитую ватную подушечку, достигая тем самым более эффектного «увеличения» грудной клетки. Последнюю категорию представляли собой те, кто повязывал шёлковую чёрную ленту по подобию, как им казалось, галстука. Вид этой группы в наибольшей мере не соответствовал традиции.

Узел галстука исполнял и роль хранилища. В нём держалось всё достояние. Лишь носовой платок носили не в узле, а в рукаве. Поэтому манжеты рубахи должны были плотно облегать запястья, дабы платочек не выпал. В брючных карманах, как правило, ничего не держалось, даже рук, поскольку это уродовало линию брюк, которые не выглядели бы юбочкой, сохраняя равную ширину от бёдер до шиколоток. В рейсе это позволяло нам сворачивать их в виде рулона материи и убирать в рундук. Некоторые, правда, предпочитали держать эту часть гардероба на вешалках, но поскольку рундуки были тесными, стрелки брюк могли сминаться.

Из выреза воротника должна выглядывать тельняшка в белосиние полосы. Форменную добыть было почти нереально, и такая была лишь у нескольких. Заменяющая её рубаха в более узкие полосы могла сойти разве что для посещения дома по праздникам, но никак не для официального представительства. А вот выставленный на показ

КАПИТАН

естественный мех над тельняшкой выглядел уже кокетством. Некоторые хвосты увеличивали вырез декольте, чтобы таким образом продемонстрировать великолепие собственных «соболей».

Все наши проблемы с форменным облачением, препятствующие появлению перед королевским взором, были ничем по сравнению с трудностями по поводу головных уборов. Не сыскать было и двух подобных. От жёстких «английских» бескозырок с вставленным в них проволочным ободком, до «обтекаемых», почти бесформенных и плотно прилегающих к голове, чтобы ветер их не унёс. Летом надевались на них белые чехлы, сшитые из всевозможных материалов, с пике начиная. Идеальным материалом была «чёртова кожа», которую приобрести было невероятно трудно. Коронное место среди всего этого разнообразия занимала ленточка с надписью: МОРСКАЯ ШКОЛА. Ленточка чёрная. Надпись красная. Все надписи на ленточках были вышиты руками любящих матерей, сестёр и любимых. Каждая из них желала, чтобы её шитьё оказалось наилучшим, букковки — самыми симпатичными и самыми декоративными. Пурпур этих надписей никогда не казался нам столь многообразным, как в момент, когда мы собрались предстать перед королём Густавом Пятым.

«Все должны выглядеть единообразно» — в первый момент мы решили, что в соответствии с таким приказом капитану придётся идти с единственным курсантом, которого мы изберём по жребию. Подумав, мы пришли к выводу, что если разрезать несколько форменных тельняшек и наделать из этого что-то вроде слюнявчиков, то мы сможем выставить не менее двадцати человек. Галстуки подберём. Бескозырки подберём. Ленточки — разве что только по цвету, по форме литер — ничего не получится. Из головных уборов придётся убрать проволочные ободки.

Оставалось сгладить чересчур богатое разнообразие оттенков форменок подбором наиболее сходных, и решить вопрос подгонки всех блуз в талии. Стирать, шить, штопать, гладить все мы, без исключения, умели на пятерку. Самые способные взялись подогнать форменки по фигуре.

Наше самолюбие не упустило и иной возможности броситься в глаза. Памятуя о шведском ПОТОПЕ, мы решили выделить самых рослых, хотя бы потому, что Густав Пятый сам был немало роста. Те, кто ростом не вышел, восприняли это решение мужественно, с полным пониманием.

Приложив громаднейшие усилия и потратив долгие часы на переодевания, мы смогли выставить пять четвёрок. То, что не

Кароль Густав V

удалось подогнать в полной мере, было вычищено и выглажено, как никогда раньше. Брюки острые, как бритвы. Талии перехвачены до границ переносимости втянутого живота. А вот грудь все обязались выпячивать, как во время парада атлетов перед схватками. В вычищенной обуви солнце было видно целиком, как в затемняющих линзах секстана.

Капитан пришёл в восхищение от вида двадцатки, доведённой до состояния безусловной шеголеватости. Те, кто оставался на борту, радовались тому, что их ленточка или пожертвованная на разрезание тельняшка поспособствовали нам выставить ТАКОЙ отряд. Впервые мы прочувствовали на себе ничего не говорившую нам фразу, часто упоминаемую в истории Польши о магнатах, выставлявших отряды кавалерии за счёт собственных средств.

Облака не смели заслонять солнца, когда мы покидали палубу «Львова», сходя на шведскую землю. Те, кто с палубы «Львова» наблюдал за нашей маршировкой в сторону выставочного дворца, где будем представляться королю, утверждали, что каждый нас увидевший осознавал — случись это во времена ПОТОПА, то всё тогдашнее шведское войско было бы разнесено нами, «к ядрёной сабле!», в пух и прах. Невозможно подобрать лучшего сравнения для описания величия духа нашей двадцатки, выставленной всем экипажем на собственные средства.

Окончание на 28-29-й стр.

Стокгольм

Стокгольм

Начало на 20-й стр.

СТОНАЛА земля шведская от поступи марширующего отряда со «Львова». По всему пути челюсть капитана указывала на «fair» — «хорошая погода». Как и договаривались, никто из всей двадцатки почти не выдыхал воздуха из груди. Отглаженные брюки воздух рассекали. Никто не сбился с шага, ни на миллиметр не нарушил место в строю. Интервал между четвёрками — неизменен, как на параде старой гвардии. Даже вид самых привлекательных и полных восхищения улыбок никого из нас не вывел из равновесия.

Так мы вошли на территорию выставки и добрались до главного павильона, размещённого в огромном дворце. Великолепный, отделанный мрамором холл. Построенные в две шеренги, мы замерли в ожидании короля. Появился адъютант с вопросом, на каком языке капитан может разговаривать с королём: английском, французском, немецком? Капитан ответил, что на любом из трёх по выбору Его Королевского Величества. Ответ капитана нам всем очень понравился. Говорили по-английски. Не успели мы, однако сориентироваться, каким образом капитан на английском языке выражает своё излюбленное «значит».

Теперь мы ждали лишь прибытия короля. Капитан после недоразумения на аудиенции у Папы Римского предпочёл не давать нам никаких указаний.

При виде входящего Густава Пятого мы затаили дыхание. Короля сопровождала свита. В глазах даже зарябило от обилия шляп с плюмажами, золотого шитья и шпаг.

Король приблизился к капитану, который тоже сделал несколько шагов навстречу. Из-за этого содержание разговора, ведущегося на французском языке, осталось для нас неизвестным. Оба были собою довольны и, разговаривая, — смеялись.

ЗНАЧИТ

Король изучал нас взглядом знатока и задавал вопросы капитану. Лицо его, по мере оценивания нас и благодаря пояснениям капитана прояснялось всё больше и больше. Насытившись нашим видом издали, король пожелал к нам приблизиться. Остановился он перед идеально выровненным фронтом и сказал что-то по-королевски, приветствуя нас монаршим жестом руки.

Мы вмиг осознали, что ответить обязаны. Но как? На каком языке? Договориться уже не получалось. Скомандовать тоже было некому. Время упущено. Овеянные воспоминаниями сцен из «Потопа» Сенкевича, мы представили себе, что *Carolus Gustavus Rex* принимает польских рыцарей как друг, без оскорбления величества, ибо каждый рыцарь в Польше может быть избран королём.

Мы все набрали воздуха, продемонстрировав готовность тут же на королевское приветствие ответить, как светским рыцарям подобает.

Как только мы набрали достаточно воздуха, то как по команде, все как один проскандировали:

— БЬЁМ ЧЕЛОМ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!!!

Вздрогнул король Густав Пятый. Вздрогнула и королевская свита. Мы уверены, что никто ещё короля с таким пылом не приветствовал.

Просветлело лицо королевское. Был он восхищён. Своим восторгом король тут же поделился с капитаном и свитой.

Вскоре капитан сообщил, что мы и все, оставшиеся на «Львове» наши товарищи приглашены завтра на приём в скансен, и что все кинотеатры Стокгольма открыты

для нас на весь период нашего пребывания.

Покорив сердце короля Швеции триумфально возвращались мы всем отрядом на «Львов» с хорошими новостями.

В скансене оркестр Военно-морского флота Его Королевского Величества сыграл «Ещё Польша не погибла». С трудом узнали мы наш национальный гимн в помпезно воспроизведённой мелодии под аккомпанемент боевых труб. Но при виде отдающих нам честь шведских офицеров мы тоже вытянулись струной по стойке смирно.

После соответствующих моменту речей мы попали в залы, где должен был состояться приём. Столы прогибались под тяжестью тортов, пирожных, фруктов и всего того, что готов был предложить весь мир. На серебре и хрустале громоздились ананасы, персики, виноград. Как и должно быть в скансене, самые прекрасные девушки Швеции в национальных убранствах были готовы подать всё, что душа пожелает.

Однако наша троица предпочла самообслуживание. Заняли мы столик и, пользуясь уже сложившейся братской практикой, разошлись, чтобы снабдить наш уголок всем, что предлагал король. Далай-лама набирал себе, мне и Сясю; Сясь — для себя, для меня и Далай-ламы; я — себе, Далай-ламе и Сясю. Таким образом, мы обеспечили себя более-менее достаточным количеством всевозможного великолепия королевского стола.

В восторге от приёма и в отличном настроении мы отправились рассматривать скансен. В каком-то из рыцарских домиков я потерял Сяся и Далай-ламу, но

Скансен

КАПИТАН

Вход в Скансен

встретил Кота, вместе с которым продолжил знакомиться со всеми чудесами Швеции.

У лапландской юрты мы торговались северными оленями и девушкой с белыми, как молоко волосами и зелёными глазами, которая, как и мы, была посетительницей скансена. Восхищались мы ею, опрометчиво делая громкие замечания о необычайной её красоте. Девушка с улыбкой сказала по-русски, что нас понимает. Поскольку не прозвучало ничего такого, чтобы её могло задеть, мы тут же отдали ей честь как шведской королеве. Девушка очень дружелюбно кивнула головой, и мы смело к ней подошли. Представились мы ей так, что по нашему мнению, даже капитан не смог бы ни в чём нас упрекнуть.

Девушка оказалась эстонкой, студенткой Таллиннской консерватории. Она играет, но прежде всего поёт. В скансене она в составе экскурсионной группы. Её так увлекли северные олени, что отстала от своих. Говорит по-французски, по-английски, по-немецки и по-русски.

Знание столько языков нас несколько смутило, но имя Эльфи, которое в сказках обозначает «душу цветка», подправило наше пошатнувшееся состояние.

«Львову» предстоял заход в Таллинн, поэтому мы договорились, что нанесём Эльфи визит. Едва

мы успели получить адрес, как девушку отняла у нас руководительница экскурсии. Мы с Котом попытались вызвать расположение вновь прибывшей дамы, но нам не удалось вызвать у опекунишки девушки такой симпатии, какую пробудили у шведского короля.

Сясь и Далай-лама нашлись, и мы уже вчетвером оказались в городе. Известное кабаре возбудило в нас больший интерес, чем кинотеатры. Конечно же, не было у нас уверенности, что любезность короля по отношению к нам распространилась и на это славное место.

На этот раз Сясь отлично вспомнил все нужные нам английские слова. Несмотря на это, билетёрша не очень поняла, что он ей говорил о короле и его к нам расположении. Однако тут же дала знать директору, а того Сясь сумел очаровать своим изяществом и «простотой» произношения. Момент, и мы уже сидим в самом достопримечательном зале Стокгольма, известном по выступлениям артистов с мировой славой, и наслаждаемся этими чудесами. Только Далай-лама был не очень уверен, что шведский король придёт в восторг от счёта, который пришлёт кабаре, поскольку сидим мы в первом ряду. А разговор ведь был лишь о кинотеатрах. Сясь попробовал ему объяснить, что теперь об этом думать уже

поздно, но если он желает лично попросить у короля прощения, то в качестве Далай-ламы наверняка будет им принят.

Вернулись мы на «Львов» полными впечатлений и воспоминаний. Вахтенный на трапе не заметил, что Кот и я неявно, в душе переместили на «Львов» девушку с белыми волосами, зелёными глазами и именем Эльфи.

Тем, кто не был в скансене и на выставке, мы подробнейшим образом рассказали о маршрутовке на выставку и о беседе капитана с королём. Каждый из нас размышлял, что бы на это мог сказать Зюлковский, предыдущий капитан «Львова», видя Мамерта — тогда ещё руководителя по учебной части на судне — беседующего ныне с королём, как с другом детства, панибратски.

Как сердечно они смеялись, рассматривая нашу двадчатку! Вне всякого сомнения, капитан очень понравился королю. А теперь капитан понравился и всем на «Львове». И поэтому мы дали выход своим чувствам, спев хором песенку, сложенную в его честь:

*Когда в небе гаснет свет зори
и на море ночь уже царит,
смолкли все голоса,
нижние стоят лишь паруса.
Кают-компания
уж разбрелась поспать.
«Ветер сменится —
мне дайте, значит, знать.
На корме — тихо быть,
вдоль борта не ходить,
это, значит — буду отдыхать».
А в Мамертово ложе
ворожея вкралась тоже,
сон кладёт ему на очи,
диво чтоб напроорочить.
И Мамерту кажется,
что публика разная
перед ним ниц падает
и в ногах валяется.
На престоле Мамерт восседает,
наслажденьем лик его сияет,
царь, царь, царь!
Вокруг него —*

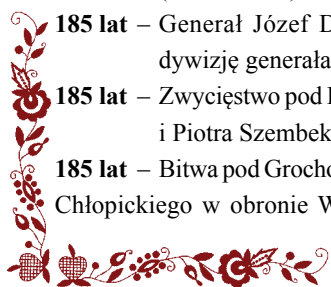
*министры да пажи,
Зюлковский, значит,
ну хоть что скажи?*

*И Мамерту снится сон.
Мамерт — властный император,
Мамерт — царь, Мамерт — царь,
Мамерт — царь!*

*Бонапарт, самодержец,
Николай, Николай, Николай!
Боже, — мне, Боже, дай!*

- 630 lat** – W Lublinie na zjeździe szlachty książę litewski Jagiełło został wybrany na króla polskiego (2.02.1386).
- 630 lat** – Chrzest Jagiełły i nadanie mu imienia Władysław (15.02.1386).
- 630 lat** – Koronacja Władysława Jagiełły na króla Polski (4.03.1386).
- 605 lat** – W Toruniu został zawarty traktat pokojowy Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim (1.02.1411).
- 420 lat** – Król Zygmunt III Waza przeniósł rezydencję królewską z Krakowa do Warszawy (18.03.1596).
- 360 lat** – Karol Gustaw skłonił księcia pruskiego Fryderyka Wilhelma I do poddania Prus Książęcych zwierzchności szwedzkiej i zerwania związków lennych z Polską (17.01.1656).
- 360 lat** – Nieliczne siły polskie pod dowództwem Stefana Czarnieckiego poniosły pod Gołębim porażkę od Szwedów. Wkrótce jednak wojska polsko-litewskie osaczyły Szwedów w widłach Wisły i Sanu (19.02.1656).
- 315 lat** – W czasie spotkań cara Piotra I z Augustem II w Birżach Rzeczpospolita zdecydowanie odmówiła udziału w wojnie ze Szwecją (02.1701).
- 250 lat** – W Lotaryngii zmarł w wieku 89 lat król Polski Stanisław Leszczyński (23.02.1766).
- 225 lat** – Na scenie Narodowego Teatru Polskiego wystawiono *Powrót posła* Juliana Ursyna Niemcewicza (15.01.1791).
- 225 lat** – Uchwalenie prawa o sejmikach – ustalenie organizacji i kompetencji oraz wykluczenie z nich szlachty nieposesjonatów, czyli hołoty (24.03.1791).
- 220 lat** – Zawiązanie w Krakowie aktu konfederacji dążącej do odbudowy Polski z ziem zaboru pruskiego (6.01.1796).
- 215 lat** – W układzie pokojowym francusko-austriackim Napoleon pominął milczeniem sprawę polską. Na znak protestu demonstracyjnie podał się do dymisji generał Karol Kniaziewicz i wielu oficerów (9.02.1801).
- 200 lat** – Z inicjatywy Stanisława Staszica powstała w Kielcach Szkoła Akademiczno-Górnicza (16.02.1816).
- 190 lat** – Zmarł Stanisław Staszic, wybitny mąż stanu, pisarz, filozof, przyrodnik, organizator życia naukowego (20.01.1826).
- 185 lat** – Sejm powołał Rząd Narodowy, na czele którego stanął książę Adam Jerzy Czartoryski (29.01.1831).
- 185 lat** – Armia rosyjska pod wodzą feldmarszałka Iwana Dybicza wkroczyła do Królestwa Polskiego (5-6.02.1831).
- 185 lat** – Generał Józef Dwernicki pokonał pod Stoczkiem dywizję generała Fiodora Gejzsmara (14.02.1831).
- 185 lat** – Zwycięstwo pod Dobrem generała Jana Skrzyneckiego i Piotra Szembeka (17.02.1831).
- 185 lat** – Bitwa pod Grochowem, stoczona przez generała Józefa Chłopickiego w obronie Warszawy, mimo olbrzymich strat z obu stron nie rozstrzygnęła sytuacji (25.02.1831).
- 185 lat** – Wodzem naczelnym mianowany został generał Jan Skrzynecki (26.02.1831).
- 185 lat** – Wybuch powstania na Litwie (26.03.1831).
- 185 lat** – Zwycięska kontrofensywa wojsk polskich pod dowództwem generała Ignacego Prądzyńskiego (31.03.1831).
- 180 lat** – Zamach na agenta carskiej policji spowodował wkroczenie wojsk zaborczych i okupację Wolnego Miasta Krakowa (17.02.1836).
- 170 lat** – W Galicji wybuchło powstanie chłopskie Jakuba Szeli. Tego samego dnia do Wolnego Miasta Krakowa wkroczyły wojska austriackie (18.02.1846).
- 170 lat** – Wybuchło powstanie Krakowskie. Oddział wojsk austriackich po krótkotrwałych walkach wycofał się z miasta (20/21.02.1846).
- 170 lat** – W Krakowie powstał Rząd Narodowy Rzeczypospolitej Polskiej (22.02.1846).
- 165 lat** – Zniesiona została granica celna między Królestwem Polskim a Cesarstwem Rosyjskim (1.01.1851).
- 160 lat** – W Dublanach koło Lwowa powstała Szkoła Rolnicza, której fundatorem był Leon Sapieha (9.01.1856).
- 155 lat** – W Austrii został wydany Patent Ludowy, który wprowadzał autonomię w krajach monarchii habsburskiej (28.02.1861).
- 155 lat** – W Królestwie Polskim przywrócono Radę Stanu i Komisję Rządową Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (27.03.1861).
- 115 lat** – Urodził się Julian Przyboś, poeta, eseista (5.03.1901).
- 115 lat** – Zmarł malarz Aleksander Gierymski (8.03.1901).
- 110 lat** – W wyborach do rosyjskiej Dumy Państwowej Polacy zdobyli 53 mandaty (03.1906).
- 105 lat** – Zmarł geograf Wacław Nałkowski (29.01.1911).
- 95 lat** – Sejm postanowił o powołaniu Senatu jako wyższej izby parlamentu (27.01.1921).
- 95 lat** – Polska i Francja zawarły umowę o współpracy politycznej, a dwa dni później podpisano tajny układ obronny o wzajemnej pomocy na wypadek agresji niemieckiej lub sowieckiej (19.02.1921).
- 95 lat** – W Bukareszcie zawarto polsko-rumuńskie przymierze obronne uzupełnione o tajny układ o wzajemnej pomocy w razie ataku sowieckiego (3.03.1921).
- 95 lat** – Sejm Ustawodawczy uchwalił Konstytucję Rzeczypospolitej Polskiej (17.03.1921).
- 95 lat** – W Rydze po pięciomiesięcznych rokowaniach został podpisany traktat pokojowy między Rzeczpospolitą Polską a Rosją Radziecką i Ukrainą (18.03.1921).
- 70 lat** – W Warszawie uruchomiono pierwszą linię trolejbusową (5.01.1946).
- 70 lat** – Pierwszy powojenny spis ludności w Polsce wykazał 23 929 737 osób (14.02.1946).
- 65 lat** – Powstało Stowarzyszenie Dziennikarzy Polskich (11-12.03.1951).
- 60 lat** – W Moskwie po zakończeniu obrad XX Zjazdu KPZR zmarł Bolesław Bierut, I sekretarz PZPR (12.02.1956).
- 35 lat** – Generał Wojciech Jaruzelski stanął na czele rządu (11.02.1981).
- 25 lat** – W Moskwie podjęto decyzję o likwidacji Układu Warszawskiego (31.03.1991).

Kto na dwóch stołkach siada, ten na ziemię pada

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь

Gdzie gwałt panuje, tam rząd ustępuje

С сильным не дерись, с богатым не судись

Skąpy zawsze w nędzy, choć dosyć pieniędzy

Скупой богач беднее нищего

Gdy ślepy prowadzi ślepego, obydwa wpadną do rowu jednego

Слепой слепому не указчик

Nadzieja jest matką głupich

Сидеть и ждать — всё потерять

Rzemiosło ma skromny początek, ale złoty koniec

С ремеслом не пропадёшь

Rdza trawi żelazo, troska człowieka

Ржа ест железо, как беда — сердце

Wszystkie drogi do Rzymu prowadzą

Все дороги ведут в Рим

Kto nie ryzykuje, nic nie ma

Волков бояться — в лес не ходить

Proś jak najwięcej, bierz co dają

Дают — бери, а бьют — беги

Nikt nie jest prorokiem we własnym kraju

Пророков нет в краю родном

Ostrzeżony — ocalony

Предупреждён — значит, вооружён

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 1 (49) 2016 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 1 (49) 2016 г.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар–центр, 350000, Россия

POLICHROMIA SKLEPIEŃ KOŚCIOŁA NAJŚWIĘTSZEGO SERCA PANA JEZUSA W TURKU